

«Скат», Моннерон, хаянэглы.

Рукопись найденная в

Драмма.

Не ультрамариновые, а фиолетово-красные волны с ужасающей разум мощью, бурлением и рокотом накатываются на побережье. Скалы мужественно противостоят их всеокрушающим ударам, но дикая энергия откатывающейся назад воды грызет берег, все сметает и уносит с собой. Это не игривый накат Черного моря, не ласковый плеск Балтийского.

Шторм, Японское море, остров Моннерон ... !

Преамбула

Перечитывая пейджер О времена, о нравы ...! Но

Разбирая завалы электронной почты, обнаруживаю «Дневник экспедиции на остров Моннерон» - послание от Имярека. Соленые брызги волн, летящие в лицо, запах соляра вперемешку с запахом морской воды, литорального ила или даже не ила, а просто какой-то гнили, прели – любимый, незабываемый специфический запах дальневосточных морей:

Пахнет соснами, гарью, тленьем.
Рядом бьется родник – лови.
Это запах освобожденья,
Облик вечной нашей любви.

Не считаем ни дней, ни сроков.
Не гадаем, что впереди,
Трезвый, яростный и жестокий,
Полдень счастья, не отходи!

Благое пожелание Имяреки – «просмотри, может быть, что добавишь по памяти». Урод! Это через тридцать лет

Однако. Перечитывая пейджер, как было сказано выше, пришел в неопишуемый ужас. Так перевернуть события и факты, так скучно и сухо излагать события, имевшие нежнейший вкус только что выловленного гребешка, изощренное изящество и одновременно отталкивающее уродство, чилима – кашмар-лар! Наверное, всеобщее среднее образование это не такое уж и благо. По крайней мере, изучив манускрипт, отчетливо понял, писать надо учить далеко не всех, по крайней мере, через одного (можно и реже).

Конечно, не все написанное выглядят серо, ряд событий описан необыкновенно живым и острым языком, факты представлены выпукло, рельефно с использованием многогранного русского языка и местных идиоматических выражений. Но, справедливости ради, необходимо отметить, что и они нуждаются в дополнении, поскольку автор был в момент написания (это хорошо видно по тексту) в состоянии высокого душевного волнения и раздирающей сердце любви. Большой, настоящей, все сжигающей и все поглощающей любви. Этого настоящего чувства, которое испытывают настоящие мужчины к родным местам, местам их детства, отрочества, юности.

Но это могут понять только те люди, которых, как и автора, нашли в морской капусте.

Немного о названии. Если первое слово в нем вызывает у читателя вопрос или оно известно читателю только в его первом, наименее значимом значении – «акула», «манта» – то непонятно зачем читатель вообще взял труд в руки. Второе слово – название скатовской экспедиции, имя острова и фамилия лейтенанта экспедиции, экспедиции уже не Ската – Лаперуза. Третье слово написано, предположительно, по-казахски, и если Лаперуз мог набрать в свою экспедицию французов, а потом

именовать их фамилиями озираемые окрестности, то почему я не могу вставить в свой труд иноземное слово мне близкое по духу и вполне понятное?! В постуниверситетские годы довелось мне служить лейтенантом советской армии («... жизнь армейского офицера хорошо известна ...») и вот, там, в далеком казахском селе, увидел я на прилавке аульной лавчонки красочную книгу с вполне понятным названием «Барон Мюнхаузен хаянэгли».

Итак, на трех и более языках, это была преамбула

Амбула или глава первая.

Действующие лица и исполнители или лица вначале упомянутые

Президент – не вульгарный президент какого-нибудь государства, а президент клуба подводников-аквалангистов Томского государственного университета «Скат». Его задача в развитии событий: являться во снах и светлым образом своим вдохновлять экспедицию на новые нерукотворные подвиги, незримо присутствовать за кадром. Роль его в происходящем не видна, но и неумалима.

В миру – Жданов.

Вице Президент - почти что то же самое, что и президент, только «ви-це». Во снах всегда рядом с президентом.

В миру – Титов.

Гоча – начальник экспедиции, средоточие исполнительной и законодательной власти, однако, в данном контексте лицо, скорее бездействующее и слабо исполнительное. Все развитие событий данного фильма, спектакля (если не сказать – драмы) идет вопреки его руководящим и направляющим действиям.

Лицо обладает некоторым телосложением, внешностью скорее привлекательной, чем отталкивающей, хотя всевозможные растительные излишества вроде бороды делают его облик диким и слегка пугающим.

Обладатель весьма тривиальной фамилии – Гочаков.

Кормилица – как и следует из именованья, женщина добрая, ласковая, в определенной степени романтическая и хозяйственная натура. В самой фамилии – Стражева, есть некоторая строгость, но и безусловный шарм и очарование.

Полковник – это вовсе не опошленный нашей эстрадой «настоящий полковник», нет! Его образ исходит из гусарских времен, чему и соответствует богатырский рост, такой же вес и роскошная окладистая борода. Это борода – у кого надо борода! Ей, естественно, бороде предстоит своя очень короткая и весьма драматическая роль.

Полковник в дневнике и жизни подписывался – Дятлов.

Лейцин – боцман, а точнее – главный технарз экспедиции. Должен был обеспечить забивку аппаратов сжатым воздухом в условиях максимально удаленных от всех благ цивилизации посредством переносного самодельного компрессора «Гном».

Носил фамилию с китайским акцентом – Лейцин.

Пит – свободный художник, холодный философ, комик в жизни – злодей на сцене. Личность крайне одаренная в духовном, кинематографическом и фотографическом плане, непревзойденный кулинар и балагур. Не пустобрех, нет – это вечно неунывающий скептик.

Обладатель лаконичной красивой фамилии – Правдин.

Чадо – скорее биолог, чем что бы то ни было. А с какой стороны Чадо было биолог я, убей, не помню. Носило с собой фамилию – Савченко.

Дворецкий – Валерка Дворецкий, начинающий водолаз, эдакой лихой юнга, брат автора идеи экспедиции Шурика Дворецкого.

Виктор – Гочин кореш, друг его детства, к водолазному делу отношения не имевший, но к переноске тяжестей способный. Фамилия Виктора в данном тексте не раскрывается.

Сергей Петрович – капитан третьего ранга, отец Пита Правдина, военный гидрограф, обеспечивал доставку экспедиции от г. Корсакова (остров Сахалин) до острова Моннерон и, что немаловажно, обратно. В тексте дневника, иногда, именуется СП, однако не следует думать, что дрейфующие станции Северного Ледовитого океана названы в его честь – они от сокращения слов – Северный Полюс.

Евгения Петровна – его жена и мать Пита.

Мормышка, Гембом, А.С. Третьяков, «голос за кадром» и «шаги за сценой», лица появляющиеся и исчезающие, например, Сарычев – лица всегда имеющие отношение к клубу, но, в большинстве случаев, не имеющие ни малейшего отношения к происходящим событиям. Упоминание их в таком ключе – следствие не их малой значимости в происходящих событиях, а, скорее, беглость взгляда, краткость встречи с ними в тексте. Хотя о Гембоме можно и в ключе малой значимости вспомнить.

Питух – Валентин Суслев, он же Шалаяулява, он же Смышляев, он же «руководитель группы акваланжистов», он же Хутеп – экспедиционер до мозга костей, изобретатель событий, а в остальном, по тексту сами поймете, что и к чему.

Много размышлений было по поводу места Питуха в этом списке. Членом Моннеронской экспедиции он не был, однако упоминание его в числе прочих, просто так, походя, не совсем уместно, поскольку не годится говорить слишком общо о водолазе, претендующем на место в первой десятке самых длинных водолазов в мире, натуре тонкой душевной материи, обидчивом и легко ранимом. Поставить его сразу после Президента – слишком верноподданно, в середину – не лезет, в конец – обидно и ранимо.

Компромисс – завершить им список!

Итак, Президент открывает и Питух завершает перечень вначале упомянутых лиц.

Глава вторая.

Неминуемое начало.

Дневник начинается.

Именно дневник, а не экспедиция, ибо экспедиции, как и браки, зарождаются на небесах и далеко не в летний зной, не в сутолоке жизни.

Идея этой экспедиции родилась в пылливый голове Шурика Дворецкого в лютую ноябрьскую стужу Может быть, это была распутица сентября или октябрьское межсезонье

«Выбирают места экспедиций люди сухие и скучные. Возьми того же Питуха. Кроме как в залив Посьета, он никакого другого направления не знает. Гочка – тот может придумать, конечно, Баренцево море, но и при этом влипнуть с правилами пограничных зон и просидеть на окраине Мурманска полтора месяца и не понюхать ни моря Баренца, ни течения Гольсфтрим, ни северных завораживающих душу миражей. Да и что можно ждать от человека, который даже в экспедиции на Серебрянные Пески (Надо же придумать «экспедиция»! Для недопонявших уточню – Болгария) исхитрился отстать и догонял ее бегом, прыжками и скачками. Нет, Пит! – собеседником Шурика Дворецкого в президентской клуба был именно он, – место надо выбирать, слушая свое сердце и пылливую душу. Вот взгляни, рядом с твоим родным Сахалином на карте крошечная точка – остров Моннерон, это же как Остров Сокровищ, это сказка! Только добраться туда – проблема. До Сахалина пилить и пилить, а как на Моннерон перебраться – ума не приложу!

Не слишком задумчиво почесывая свою репу, Пит отвечал, что до Сахалина только по карте далеко, а так просто рукой подать. А из Корсакова (южные ворота острова) до Моннерона дойти совсем не проблема, надо только вовремя и правильно посыльное судно заказать, не жлобствовать, запросить небольшой катерок пять-шесть сотен тонн водоизмещением – не больше. И поскольку его отец – капитан третьего ранга Правдин – возглавляет гидрографический район, обслуживающий маяки, знаки, огни и прочие атрибуты навигационной службы юга Сахалина и юга Курильских островов, куда остров Моннерон естественно входит, то надо только вовремя предупредить «Фазера» и доставка экспедиции на остров обеспечена.

Дальше Пита понесло в воспоминания школьных дней, когда в поход по Курилам (остров Кунашир) он в пятом классе ходил, а на маяках мыса Анива и полуострова Терпения просто проводил летние каникулы. И в море выйти для него было – это просто как для вас поход выходного дня. Правда, про мыс Крыльон, признавался, что не бывал, Камень Опасности – это естественно, а вот на Крыльоне – нет

Ну, да это романтика тех мест – они с уроков на море убегали, и всех их, точно, нашли в морской капусте.

Идея родилась, зрела и росла. Прыгающий и бегающий Гочка взялся ее осуществлять, а точнее, пестовать.

Когда мимо Томска проезжали родители Пита, коих Пит приволок в клуб, он им все показал, рассказал, со всеми познакомил и заливался соловьем, как тетерев.

Степенный вид Президента, мужественность Питуха, обстоятельность Полковника и живость Гочки сломали лед недоверия, и «добро» на приезд экспедиции Сергей Петрович дал, пообещав согласовать потребности страны, Союза Советских Социалистических республик, и ее Военно-Морского Флота с потребностями клуба

«Скат» и доставить посланцев клуба вверенными ему судами упомянутого Военно-Морского Флота на искомый остров.

Тут не обошлось без нервозности, поскольку Питух в (тогда текущем) номере газеты «Глыбь» опубликовал статью, в которой упомянул о трениях Пита с Д.Е. Каном. Готовясь к торжественной встрече настоящих моряков, Питух текст статьи как-то изменил. Не помню, что он туда вклеил (в переносном и прямом смысле), но изучение настенной прессы СП и ЕП произошло без эксцессов.

Волею судеб автор идеи экспедиции Шурик Дворецкий не дожил до ее начала. Никто не говорил никаких слов, но это была экспедиция его имени, это точно, кроме того, как-то и кем-то было решено взять в экспедицию Валерку Дворецкого.

8 июля 1972 г. Правдин

Записано по памяти.

Вообще-то говоря, ежели дело творить по уму, необходимо начинать писать за два-три дня до отъезда в период наиболее интенсивной подготовки. Однако эта вещь никогда не делалась и вряд ли будет когда-либо твориться.

Итак, мы сели в электричку (от того, как мы садились в троллейбус, не осталось приятных воспоминаний). Поехали сначала в обратную сторону на Томск-II. Провожающие толпятся и беснуются. Мы сидим тихо и мирно.

Мормышка глянула в окно и закричала: «Ой, какая собачка, посмотрите, какая собачка!» Мы с Полковником бросили туда свои взоры, действительно, красивая, молодая, стройная, по-видимому, с хорошими манерами, иными словами, по всем статьям.

Заехали на Томск-II, совершили эдакую петлю и ринулись обратно. Провожающие сошли и стало несколько пусто, точнее говоря, никого почти что не осталось. Не успели проехать первый переезд, как выявился напай номер один: забыт гидрокостюм «Садко 1». Разом завеселились и возликовали (во-первых, приятно напаяться, во-вторых, напай не такой страшный, костюмов хватит, в-третьих, он достаточно крупный, так что крупных напаяев уже на один меньше). Поздоровали друг друга и сели строить планы, заряжать фотоаппараты и всяческим образом убивать время. До Тайги доехали удивительно незаметно. Перед станцией Гоца стал скулить и плакать, что ему необходимо, мол, бежать, скакать, спотыкаться и падать, что надо как можно скорее в кассу и занимать очередь. Причины нам были ясны до конца. Этот фрайер накрутил на свой рюкзак «Лас-5» и шатер и посему хотел от него избавиться хоть на время. Мы его, естественно, великодушно отпустили, и он исчез.

Выгрузились из электрички необыкновенно легко и непринужденно. Гоца записался в очередь, и мы сели спасать продукты (правда, до того момента толпа бегала, искала другие возможности, но я сразу понял, что там ничего хорошего найти нельзя и остался сторожить вещи).

Поспасали продукты, купили билеты и сели на поезд. Посадка прошла на редкость легко и приятно. Правда, нам помогли какие-то пьяные парни, которые отрекомендовались поклонниками Авдеевой, и мы поехали. Хотя это, уже, однако, было.

... Необходимое или не необходимое пояснение. Когда собирались в дорогу, Кормилица, да продлятся ее годы, напасла великое множество всяческих продуктов,

кои ее в самом начале дороги испугали своими скоропортящимися свойствами. На это великий троглодит Гочка сказал множество слов утешения и, в частности, заверил ее от лица всего коллектива: «Будь спокойна! Продукты мы спасем! Мы их очень быстро съедим». Этот легкий свих Гочакова стал лейтмотивом всей экспедиции. Человек, безусловно мужественный, Гочаков ежечасно вел личный состав на свершение каких либо подвигов, спасение кого-нибудь, если спасать было некого, то бесстрашные подводники спасали продукты.

Язык, имеется ввиду не просто Могучий Русский, но и вообще любой другой английский, немецкий, финский, чешский – средство общения, короче говоря, в процессе жизни человечества претерпевает всяческие изменения и метаморфозы. Процесс жизни, не скажу, что развития, вносил в него такие изменения, так трансформировал слова, что для Вас, достопочтимые господа, будет весьма серьезной проблемой адекватно воспринять весь оттяг, бред и прикалывание современной тогда гопоты.

Не говоря уже о профессиональных и непрофессиональных сленгах следует пояснить некоторые слова и выражения. Так понятие – напай, это неудача мелкого или большого размера, от мелочевки - до «на всех хватит». Шмурак – весьма универсальный термин, это может быть легкомысленный, недалекий человек, этакий фрайерок, в то же время этим словом может быть произнесено и признание в любви – заметьте, как часто в дневнике Пита называют шмураком.

9 июля 1972 года. Правдин.

4-й вагон скорого поезда 62.

Можно говорить, что день начался с посадки, можно говорить, что он начался со споров. А на самом деле он начался со сна. Не знаю, стоит ли пересказывать содержание моего сна, а может, достаточно просто перебрать его персонажей. Это Президент (многозначительно покашливающий), вице президент (загадочно улыбающийся) и Гембом (делающий всевозможные глупости).

Итак, день начался сном и продолжился спором, во время которого Полковник от всего отказывался, но когда узнавал, что это необходимо обществу, моментально уничтожал.

От него же поступило предложение сдать всем составом нормы на значок ГТО, выпускать в экспедиции боевой листок. В противовес этому с моей стороны поступило по какому-либо поводу взять сообразительства что-нибудь сделать и кого-нибудь перечитать.

Сегодня я только вспомнил, что когда направлял телеграмму в Улан-Удэ насчет зеленого чая, то забыл указать номер вагона, это мой первый крупный напай и, возможно, он станет вторым крупным напаяем экспедиции, потому что эти жлобы пристрастились в период подготовки к этому зелью.

Сейчас я сижу один. Все уже дрыхнут. Сон и жор чередовались сегодня уже несчетно раз, и сосчитать их практически невозможно.

К тому же не совсем понятно, по какому времени отсчитывать сутки. По Томскому уже 00 часов 5 минут.

Надеюсь, даже ребенку становится ясно, что данный Писатель, поливающий вокруг себя все и вся, сам, по большому счету, жлоб. Второй день, груда эмоций и

впечатлений, время переосмысления содеянного, дум о грядущем, а написана какая-то словесная пачкотня и уж совсем детское: «по какому времени отсчитывать сутки». По бортовому считают, по бортовому! Уж Пит, на море выросший, под килями обсохших кораблей с погремушкой из крабьих клешней ползавший не мог этого не знать! Обидно, честное слово, обидно!

Если уж он все позабыл, то хоть о Гринвиче мог вспомнить

Однако появился Президент, слава тебе Господи, слава Тебе! Удивительный человек, вносящий своим появлением, реальным или мысленным, умиротворение и покой. Единственная экспедиция, в которой он был, это, по-моему, вышеупомянутая на Серебряные Пески, в места весьма цивилизованные, однако личный состав клуба экспедиционного направления всегда осуществлял равенство, тянулся и считал своим маяком.

Да, а с зеленым чаем получилась такая история.

Пит – человек восточный, он всегда любил повторять, что вырос в Японии, а понятно это стало только тогда, когда Япония стала претендовать на Курильские острова (для тупых поясню: следующее на очереди – юг Сахалина), рядом с ним всегда были какие-либо азиатские лица и азиатский харч, к коему он приручал всех из своего неазиатского окружения.

Хорошо знающие Пита люди подозревают, что, судя по твердости духа, физической стойкости и прочему, Пит – самурай.

И одним из его последних, перед экспедицией, привнесений был натуральный зеленый чай, какой не сыщешь в фешенебельных магазинах, этот чай не лежит просто так на полках. Обнаружить его можно только в национальной российской глубинке в богом забытом сельпо или в заповедных краях типа Бурятии. По внешнему виду и размеру он напоминает коровью лепешку, только квадратную и консистенция более плотная и тяжелая. Этаким тонкий, три–пять сантиметров, кирпич, или скорее шлакоблок на котором при изготовлении вылито клеймо с непонятными словесами и видны прожилки чайных веточек.

Заваривается такой чай прямо в котелке и на огне, поскольку куски заварки, эдакие щепки, отколупываются от плиты ножом и должны слегка повариться.

Наливается чай в кружки (конечно в классике – пиалы, ну да где в экспедиции...) прямо через край с кусками заварки, которая разваривается на отдельные веточки. При питии чая веточки следует обсасывать и только потом выбрасывать в костер. Напиток сказочный.

И вот для экспедиции вездесущий Пит заказывает три блока такого чая у своей подруги – бурятки Галки Зандановой в городе Улан-Удэ. Галка тогда находилась с экспедицией в поле, горах, таежных дебрях, и гарантированно вытащить ее оттуда было весьма проблематично.

Но коллективный разум, при составлении телеграммы сделал свое дело – текст телеграммы гласил: «Встречай тремя пачками любимого», ну и, естественно, опознавательные параметры транспортного средства. С таким текстом двадцатилетнюю девчущку из любой экспедиции отпускают.

Коллективный разум здесь вот при чем. Сидел коллектив, Пит с тупым потухшим взором: «Что делать? Все пропало! Все пропало! Она в поле, в прериях, она далеко ...», Гочка, Кормилица, пытающиеся его утешить, прочие экспедиционники растерянные до последнего и Полковник, этот неунывающий мастодонт, бормотал

в свою роскошную бороду: «Да, остались без любимого чая, любимого чая ...! Ура! Пишите!» - и родил текст телеграммы.

10 июля 1972 года. 4 вагон поезда 62. Правдин.

Сегодня день двух приятных находок. Во-первых, Полковник нашел пиво, а во-вторых, мы нашли чай. Точнее, он сам нас нашел. Прибежал и ¹⁰ прилетел и при этом преуспел. Прибежала Галка Занданова на вокзал, убегнув с работы (ей только повод дай) и представила три пачки любимого (точнее, три блока). Поговорили с ней на предмет смысла жизни. Тут и прибежал довольный Полковник, потрясая бутылками. Тогда уж радости и ликования нашему не было конца.

Сели, поели, песни попели. Хорошо и привольно, правда, тоскливо, что кончился скоропортящийся продукт и спасать сейчас нечего, но это дело уже второе.

Как было отмечено, сегодня вечером на поезде мы уже проехали половину пути. Наступила вторая половина.

Было решено составить обязательный репертуар песен, которые должен знать каждый. Наказание за неисполнение – не давать играть. Этот лозунг выдвинул Полковник. И тут же отказался учить песню «Ах, шарабан мой...». Мы ему в красках расписали, как он самой ближайшей ночью будет нас будить и, переминаясь от нетерпения с ноги на ногу, аккомпанируя себе на гитаре, будет напевать «А я девчонка, я шарлатанка».

Вагон спит, но Полковник не дремлет. Полковник всегда себе дело найдет.

... Это надо придумать! Не давать играть! И даже сам Полковник дрогнет! Очевидно, что переписчик манускрипта (переводчик рукописного творения в машиночитаемую копию) допустил страшную ляпу – простое российское народное слово «жрать» он воспринял как изысканно культурное «играть» - судя по электронному подчерку – это Гочка). Это переворачивает весь смысл происходящего, поскольку и морскому ежу ясно, что хорошо некормленный Полковник для насыщения своего организма способен на многое, а Полковник, коему не дали водить в расшибалочку, обошли на очередной карточной раздаче, или не дали исполнить фуги Баха на рояле в кустах – да гори они все...!

Однако не дополнение дневника, а какая-то криминалистика получается.

11 июля. Гочаков.

Прокоротали еще одну ночь и подсчитали, что осталось провести на колесах еще две ночи, это хорошо, что не больше.

Надо отметить, что о таких условиях, какие мы имеем, мало кто может мечтать. На отдельных участках на каждого из нас приходилось по свободному купе, тогда как в плацкартных вагонах все забито. Это, видимо, следствие того, что скорый поезд на мелких станциях не останавливается, а на далекие расстояния народ предпочитает плацкарт. По-видимому, есть смысл доплачивать 3 с копейками рубля ради тех благ, которые открываются в общем вагоне скорого поезда.

Был обнаружен напай №2: в период подготовки к экспедиции начальником экспедиции было «растрчено» 30 р. Порешили, что мы этого не боимся, и после экспедиции начальник поведет всех в «Кедр».

Время от времени мужики поют гимн нашей кормилице, и в зависимости от полноты желудков провозглашают либо лозунг «Долой экономию», либо «Экономить

надо». Вечером, как обычно, спевка. Получается уже лучше, правим Питово ухо.

... Не знаю, как получилось в экспедиции, но сейчас ухо у Пита корявое настолько, что непонятно – он такой от рождения или это правильщики постарались.

А сказано в писании: «Не навреди!»

Корявое, это о его слуховых способностях, а так Пит, хоть и дряхл, милю плывет целых тридцать пять минут, но сохранил свое очарование и ушки соразмерные и симпатичные.

В дневнике абрисно нарисована картина или, точнее сказать, даны наметки схемы, передвижения в общем вагоне поезда на большие расстояния. В крупном городе, таком как Красноярск, Иркутск или Чита вагон забивается под самую крышу. Однако как только поезд удаляется от этого крупного центра на сотню другую километров, картина меняется диаметрально: основной толпообразующий костяк исчезает на первой полусотне, а следом рассеивается остаток или разность. И тишина!

При приближении к крупному городу народ начинает вновь толпообразовываться, но процесс этот идет медленно и не причиняет старожилам особых неудобств.

Вагон дышит размеренно и четко: вдох - выдох, вдох – выдох, аналогия для подводников с правильно поставленным дыхательным процессом, думаю, понятная.

Что касается каких-то рублевых расчетов, имеется в виду три с копейками с рубля, то неясен смысл предложения, что хотел сказать автор, а вот напоминание о том, что Гочка тридцарик растратил, обещал всех в «Кедр» закатить и наколол, зажал-таки кабак! Ну не помню я гулянки в «Кедре»! Зажал! И сие с расстояния в тридцать лет видно очень хорошо и очень невооруженным глазом!

Вот такие пироги, вернее сказать, их отсутствие!

12 июля. Дятлов.

Гоча пижон. Обвиняет нас в моральной и идеологической нестойкости! Нашим лозунгом всегда было, есть и будет:

ЭКОНОМИТЬ НАДО!

А Гоча мот. Восполняет пробелы детства. Ну да, ладно, пусть живет.

День начался, как обычно, с жора. Надо сказать, что спецы в этом деле у нас непревзойденные. И наконец-то свершилось: Кормилица, науськиваемая Гочей, повела нас в ресторан. К вечеру изобретено новое блюдо: «Поездная крошка». Берется все как и на обычную крошку, но вместо кваса – кефир. Попробуйте, очень вкусно. Закончили день спевкой.

Сегодня последняя ночь в поезде. Проехали Биробиджан, Пит кончает дошивать свой спальник.

Скоро Хабаровск, а там и море.

Вот вам истинно великий подход – Хабаровск, а за ним сразу море, виват – и тут же виктория. Полковник всегда смотрел и смотрит далеко вперед! Учитесь, фрайера!

Следует обратить внимание на хозяйственный характер Пита и его стремлении что-либо шить, штопать и чинить. Очень домовитый мужичонка!

Также следует заметить, что проводить экспедиционную дорогу в рукоделии Пит привык еще с Баренцевоморской экспедиции. Тогда, отправляясь в суровые

северные края, экспедицией было принято решение нарукавные эмблемы экспедиции вышить гладью на синей материи. Всю долгую дорогу от Томска до Мурманска и, что поучительно, обратно Пит, сложив ноги крестиком вышивал гладью по синенькой тряпочке. Ему пытались вторить Гембом и Диамант, но добиться такой выразительности и одухотворенности на лице не удавалось никому.

Особенным успехом пользовалось это явление у вновь севших в поезд пассажиров. Залетев в вагон шумною толпою и нагло рассевшись практически на голову экспедиционникам, они сначала непонятливо улыбались, глядя на рукотворчество Пита, потом опасливо переглядывались, не понимая его восточной невозмутимости и искреннего трудолюбия, потом искра разума появлялась на их неодухотворенных лицах и, наконец, все вновь прибывшие торопливо линяли в другие купе, как от психов, и злобно шипели вдали, бросая оттуда затравленные взгляды.

Так что шьет Пит давно и непрерывно. Где архивирована та синенькая тряпочка с нерукотворным (хотя не ногами же он шил!?) Питовским рукоделием история умалчивает.

В Моннеронской экспедиции в шитье ему пыталось подражать Чадо - однако ни усидчивости, ни последовательности в движениях, ни мастерства. Да и кто сказал, что Пит подражаем!

Что касается Гочи – мота, то речь идет, естественно, о сгущеночных финтах.

Гочка мог экономить на чем угодно, мог отрезать свою левую руку и отдать ее на пропитание экспедиции, но стоило впереди забрезжить возможности присосаться к баночке со сгущенкой – он терял разум.

Причем потерять разум он мог и без брезженья впереди, а от одной только мысли, что такое брезжение возможно. Как только его пытливый математический ум освобождался от повседневных забот, он, то есть ум, начинал всех пытаться: «А давайте вместо ужина купим по баночке сгущенки на двоих! Сгущенка, хлеб и чай! Что еще надо!»

Вот такие или аналогичные пытливые умозаключения. Ими он так запытал личный состав, что народ соглашался с его предложениями сразу, особо не раздумывая и не сопротивляясь.

Далее вы увидите появление сока манго, а еще далее, кускового сахара вместо сахара песка – поскольку он «экономичнее». Прав Дятлов – пробелы детства!

13 июля. Лейцин.

Последний день в поезде. Настроение приподнятое. Обстановка необычная – очень много народу. В вагоне очень жарко.

Напай №3. Спирт частично испарился из бутылки. Татьяна (Кормилица) спала мертвым сном – вот пижонесса.

После Уссурийска народа осталось совсем мало. Собираем рюкзаки. Рюкзак стал тяжелее.

Владивосток встретил туманом. Не успели выгрузиться из вагона, налетела Савченко (Чадо). А мы-то надеялись, что она залетит на Камчатку.

Перетащили вещи в камеру хранения и отправились на пляж: Гоча собрался купаться.

Гоча сагитировал и нас. Пита не пустили – простужен. Вода оказалась необыкновенно теплой. Оказывается, она соленая! После купания имели

импровизированный ужин там же на пляже.

На Морвокзале нас обрадовали: билетов нет. Осталась слабая надежда на бронь и на палубные билеты. Узнаем завтра.

Глава третья.

О море, море! Небо и скалы! ... Сплошной нонсенс.

То, что для Лейцина была откровением соленая морская вода, не удивительно, удивительно то, что в песне, строка из которой вынесена в заголовок главы, море отождествляется с небом и скалами! Если первое спорно, но понятно, то скалы – это нонсенс! Именно поэтому строка из песни там, дабы обозначить нонсенс.

Конечно, никаким туманом Владивосток не встречал, было простое утро портового города. Не то, редкое, как штиль в океане, яркое солнечное, высвечивающее каждую ворсинку швартовых канатов, камни и жестянки на неглубоком морском дне, а обычное утро с легкой дымкой, промозглой сыростью и запахом болтающегося в морской воде соляра. Вы заметили, что стоит соляру попасть в море его запах становится совершенно иным, заманчивым, тянущим, так пахнет ветер странствий, ветер дальних дорог?!

Морвокзал был забит сухопутной мелюзгой, студенческий стройотряд отправлялся на Шикотан, на путину, не в море ходить, а на берегу рыбу обрабатывать. Все бегают, галдят, глаза по полтиннику, наверное, тоже морской воды хлебнули.

А Владик как Владик! Суров и добр, гостеприимен и зол. Не знаю, как и почему этот город, стоящий отнюдь не на краю света (мыс Край Света находится на острове Малой Курильской гряды), а всего лишь в конце ТранСибирской магистрали вызывал и вызывает такие сложные чувства!

Как больно милая, как страшно!
 Как больно милая, как страшно!
 Как больно милая, как страшно!
 Раздваиваться под пилой,
 Не зарастет на сердце рана,
 Прольется чистыми слезами.
 Не зарастет на сердце рана,
 Прольется трепетной смолой.

Город рубежный. И в смысле того, что стоит практически на рубеже нашей Родины, и уж точно на ее защите.

И, по моему, эта рубежность ощущается во всем и всегда.

Именно на этом рубеже, на самом краю пирса и Земли Советской, Дятлов дал зарок, что сбрит бороду, если экспедиционный компрессор «Гном» забьет хотя бы один аппарат до семидесяти атмосфер. Поклялся, так сказать, своей бородой!

Это был тонкий финт, плата за риск, жертва, должная спасти дело. Один готов потерять многое, а борода у Полковника была отнюдь не маленькая, ради счастья остальных. Надеюсь мне не следует пояснять читателям важность забитых аппаратов в экспедиции подводников.

Такое самопожертвование свойственно представителям мужественных водолазов. Мне вспоминается случай, когда в экспедиции семьдесят первого года в бухту Витязей, что в заливе Посьета, Александр Сергеевич Третьяков призывая хорошую погоду посулил сбрить один ус! И сбрил его! Более того, стараясь всемерно поддержать неустойчивый климат Дальневосточных окраин, он поклялся жить с

одним усом и даже вернуться в таком виде в Томск если хорошая погода продержится далее. Был такой случай!

По примеру А.С.Третьякова Дятлов тоже бросился на амбразуру!

Историческая справедливость требует тут некоторого пояснения. Исторический факт, что Дятлов дал эту клятву еще в клубе, задолго до отправления экспедиции, но с той же целью.

Однако перечтите вышеизложенное! Ведь правда: на рубеже получилось красивше!

14 июля. Савченко.

Не только узнали, но и сумели достать билеты на 15. Успех этой кампании можно целиком отнести за счет дипломатических способностей Полковника и проникновенного взгляда Гочи. Со словами «Экономить надо» и с надеждой плотно подзаправиться отправились в столовку. Пожрали, разбрелись по городу. Мы с Татьяной решили посмотреть топ 4 фильма, по пути сманили Лейцина Вовика. Зашли в ГУМ, на 0,5 часа кошелек перешел в мои руки и ... напай №1: исчезли 4р. (общественных денег). Целиком поглощенная своим горем, я шла (с Чадом и Лейциным) навстречу своему следующему напаяю – в кинотеатр «Океан». Нам предстояло выстоять очередь (в 3 человека) за билетами и здесь, по счастливой (?) случайности какой-то парень предлагает три билета, я не раздумывала долго, выкладываю ему положенные 1,5 р. и, счастливая, беру билеты, окинув при этом победным взглядом людей, стоявших в очереди. Позднее мы узнали, что это были билеты на прошедший сеанс.

Усталые, но довольные, мы кругами возвращались к морвокзалу.

P.S. Кое-какое барахлишко (кинокамера, 3 фотоаппарата) Дятлов сдал в автоматическую камеру хранения. И утром, твердо уверенный, что запомнил номер, пытался открыть ее. Каково же было всеобщее удивление и возмущение, когда камера не открывалась, как бы ни набирали заветное число. Тут откуда-то вынырнул милиционер с плотоядным выражением лица и приблизился к толпе, не вызывавшей у него доверия. Наконец-то с посторонней помощью дверца была открыта. Номер был не тот! Напай.

Будущим экспедициям!

Чтобы значительно сократить хлопоты при покупке билетов на перевалочном пункте, можно заблаговременно забронировать необходимое количество мест, указав при этом их класс.

Ах Чадо, Чадо! Святая наивность! Продуваемая всеми ветрами палуба, или корабельный сырой темный трюм – вот отрада настоящему экспедиционному сердцу! Не комфорт и тепленькое молочко, а стремление наперекор бурям, вперед, в самые тернии, до боли, до колючек! И об этом, помнится, всегда говорил Сарычев! То есть говорил ли сие Сарычев. на самом деле история умалчивает, но Питух всегда утверждал это со ссылкой на него.

Личность Сарычева в данном изложении кажется весьма надуманной и притянутой извне, а для того, чтобы понять всю тонкость такого привлечения необходимо пообщаться с Суслевым дней несколько. И когда вы привыкните к мимолетным, на первый взгляд незаметным текстовым вставкам: « ... как однажды заметил Сарычев », «а Сарычев в таких случаях говорил ...», «вот Сарычев ...» –

тогда чеканный облик этого человека воздвигнется над всеми, как пьедестальный монумент с головой в облаках и вытянутой вперед рукой, тогда найдите Сарычева, познакомьтесь с ним, и вам многое станет ясно.

Если вам трудно искать, поясню – весьма некрупный и невзрачный на вид мужик, вроде Пита, а вся сила и очарование – в интеллекте.

16 июля 1972 г. Дворецкий.

День начался с того, что мы проснулись на морвокзале. Все, кроме полковника, который весело проводил время у своих многочисленных друзей-товарищей.

«М. Ульянова» отправлялась вечером, и у нас еще было достаточно времени. Пожрав в вокзальном буфете (в основно¹⁰ м своих харчей), мы отправились в местный краеведческий музей. Пит долго водил нас за нос, пока мы сами не попали на верный путь и не нашли этот злополучный музей. Впечатление от музея осталось довольно посредственное, и его осмотр не занял времени больше, наверное, чем его поиск.

Выпив после этого кваса, мы зашли в ГУМ, взяли там киноплёнки (Пит), Татьяны, закупили жратвы и, перетащив в два приема наши шмутки, мы также в два приема очутились на борту нашего корабля.

Каюта и вообще вся атмосфера на «М. Ульяновой» оказались, на мой взгляд, довольно уютными. Плодотворно проведя вечер и начало ночи, все охотно улеглись спать.

Интерес начался еще в прошлый день (датировку, в связи с ниже приведенным в дневнике важным замечание Пита опускаю). «Мария Ульянова» стояла ошвартованная у причала прямо напротив морского вокзала и радовала глаз, в рейс она должна была уйти только вечером следующего дня. Дятлов весело хмыкнул и вырвал у Гочки из глотки увольнительную на сутки.

Только он испарился, «Марию Ульянову» протянули вдоль пирса метров на сто, недалеко, но из окон Морвокзала она пропала. Обычное дело в порту, но надо было видеть Полковника, явившегося из увольнительной на следующие сутки: мы - то со скарбом тоже переместились в другой, более уютный, угол.

Дятлов влетел в вокзал как эскадренный миноносец. Ничего не видя и не глядя по сторонам, с растрепанной бородой и такой же шевелюрой, с невообразимо измятым ликом и такими же очками, он устремился к расписанию над кассами, эдакое высоко висящее многометровое наборное панно. За ним, и вроде как наперерез, подобно легким торпедным катерам, бросились Валерка Дворецкий с Питом. Близоруко сощурясь Полковник не изучал, а просто вникал, проникал, в расписание, Первой его реакцией на повиснувших на нем Валерке и Пите было: «И вы то же ...!». Не знаю, что должно было следовать дальше, наверное: «Опоздали ...!».

Хорошо, что его вовремя остановили: такие люди способны догонять корабли и вплавь... .

Гочка выделил Питу деньгу для ведения телефонных переговоров с домом и заказов торжественной встречи. Тот позвонил домой – не отвечают, позвонил отцу в часть (воинскую), там СП тоже не было, но звонок из Владивостока, где базируется штаб флота, приняли сразу, Пит не слишком растерялся, выгнул грудь, сделал медальное лицо и отчеканил: «Примите телефонограмму: «Прибываю «Марией Ульяновой» с

экспедицией, груз можно транспортировать только на машине. Правдин». А из трубки раздалось на весь морвокзал: «Петька, так ты уже прибываешь?!», - у этого шмурака везде знакомые, надо было как-нибудь ненавязчиво спросить его про Генштаб

17 июля 1972 года. Савченко.

Гоча – фрайер! Надо же придумать такое наказание – писать дневник за два дня! Ну да, ладно.

Проснулись в девять. Мы бы, конечно, еще были бы не прочь поспать, но пришел Полковник и разбудил толпу своим ангельским голосом. Оказывается, он не спит уже с шести часов, так как какое-то дите из его каюты решило поразвлечься и порезвиться. Еще вчера мы все договорились, что тому, кто проснется первым, достанется два куса колбасы, а кто последний – ничего. Особенно клялись первыми проснуться Валерка и Пит, но все уже встали, а они даже и не собирались. Валерка с надеждой теперь хотя бы на один кусок через каждые десять минут открывал глаз и поглядывал на Пита. Проснулись они к самой жратве. Самое интересное, что с каждым часом толпа ела все меньше и меньше. Особенно Полковник. Он, оказывается, решил стать стройным, как кипарис. Затем все легли на боковую. Днем началась генеральная штопка. Все парни шили, а мы с Татьяной спали. На ужин пошли в бар «Кабак». Он не произвел никакого впечатления. Затем Татьяна расщедрилась и достала еще одну десятку (первую, скрипя душой и сердцем, достал Гоча). Мы купили по банке мангового сока на нос и, проделав в них дырки, сосали их весь вечер. Гочаков проявлял свои способности в фотографировании. Он делал рекламные снимки по поводу мангового сока как чудотворного напитка, заставляя не дышать по 10 секунд Пита и Татьяну, которые с очаровательными улыбками и с банками в руках восседали на верхней полке. Потом пошли в кино. В кают-компанию нас долго не пускали, и мы, униженные и оскорбленные, ждали своей очереди (так как, оказалось, что фильм для экипажа корабля, а мы - люди маленькие). Вот, пожалуй, и все. Дальше, может, че и было, но я уже спала. Да, напай №4 – я забыла соляную кислоту для фиксации.

Что Чадо делает хорошо, так это считает напай!

Просто вся экспедиция не поместилась в одну каюту. Выпал один человек. Не за борт, просто в соседнюю каюту! Гочаков стал изобретать метод определения жертвы, однако шустрый Дятлов сходил на разведку, осмотрелся и сам пал на жертвенный стол. Побудительных причин к этому могло быть великое множество, поэтому назову только одну: чуткое любвеобильное сердце, поднимающее общественные интересы выше личных и постоянная готовность делать что-либо для коллектива.

Вот почему в тексте дневника «Полковник пришел».

В остальном это были сутки обычного плаванья обычного океанского лайнера по обычному Японскому морю.

Кто изучал корабль, кто спал, кто предавался Кто штык точил, ворча сердито, кусая длинный ус!

Следует отметить, что стремление, да и само понятие, философская категория – «стать стройным как кипарис» у Дятлова появилась именно в это время. Термин по своей идее, филологическому звучанию и сочности – просто великолепный!

Тут и обещанный выше манговый сок!

18 июля. Савченко.

Ссамого утра начали собирать шмутки. В 8 часов прибыли в Корсаков. Лил дождь, но настроение было у всех хорошее. На пристани нас встретил папа Пита с машиной. Так что мы с большим комфортом доехали до дома. А как пахло пирогами! Дома мы познакомилась с мамой Пита и с ее умелыми руками, а также с Виктором, который присоединился к нашей экспедиции. Подкрепив силы, все, кроме Пита (который пошел по делам экспедиции к знакомым) и Полковника, сладко спящего на своем надувном матрасе, пошли на рыбалку на море. У берега мы с Гочей поймали креветку (точнее, Гоча загнал ее в железную банку, а я лишь достала). Наши мужчины, закинув удочки, вели какие-то умные беседы. На самом берегу рыбаки разбросали червя nereиду. Он маленький, с голубым оттенком и большим количеством ножек. Затем я нашла две дохлые рыбы (бычка и еще какую-то), а парни не поймали ни одной. Пошли домой, так как хотелось всем пожрать. После обеда все опять легли спать (сколько можно!). Потом занимались каждый своими делами. Большинство дорвались до библиотеки Пита. Вечером Татьяне сказали, что у Валерки температура, и она решила его лечить. Посадив его перед собой (это был первый серьезно больной пациент) она ставила ему градусник, давала пилюли, капала лекарства, давала советы и вообще проявляла все свои медицинские знания. Затем мы дали концерт и легли спать.

... Я не знаю какие шмутки начали собирать с утра. И какой дождь лил, по моему даже не моросило, так обычная морская сырость.

Пит с утра умчался на палубу и, сжимая в руках такелаж, всматривался в горизонт издавая жалобные стоны, и узнавая родные места. Полковник был при нем, пресекая попытки броситься в воду и плыть, подобно дельфину, впереди корабля. Это была трогательная сцена.

Потом на горизонте стали вырисовываться контуры порта и Пит стал невменяем: «Юнона! Южный пирс! Почему-то идем на северный! Оперативный пост! Центральный ковш!» Понятно, он-то тут вырос.

Гочка носился по всему кораблю, преимущественно по палубам первого класса и всем предлагал расколоть орешек. Этот жук добыл где-то манджурских орехов (почти как грецкие, но скорлупа очень толстая, а внутри, считай, вига) и давил эти орехи полированными дверями фешенебельных корабельных салонов. При этом на стреме ставил то Кормилицу, то Пита, то Валерку Дворецкого. Стремы менялись, поскольку участвовать в таком деле дважды не решался никто.

На пирсе расхаживал СП рядом с великолепным трехосным ЗИЛом – гарантом нашего ненапряженного сухопутного передвижения.

Прошли пограничный контроль, поскольку прибыли в район, где действуют правила приграничных территорий, что-то вроде: «Стой! Стрелять буду! Стою. Стреляю!» Смех – смехом, однако в воинской части у СП на входе висит плакат: «Воин! Будь бдителен! До Хоккайдо семьдесят шесть миль!» Впрямь рядом. Пограничники всех сверлили взором и изучали документы, а у Пита глянули в паспорт и кивнули, как своему, проходи мол, оказывается это потому, что у него в паспорте штамп – «Житель Сахалинской области», хотя, может быть, его тут и впрямь все знают.

Дома у Пита рыбаки набросились на него с вопросами какую снасть для рыбной ловли брать с собой. Он порылся в кладовке, достал небольшой деревянный чемоданчик

и вывалил под ноги изумленным мужикам: груду лески, толщиной в палец (полтора миллиметра), крючков кучу размером с палец (миллиметров по двадцать, тридцать), грузила свинцовые пальцеобразные (такой очень вытянутый конус). Рыбаки осознали масштабы морской рыбалки и занялись переэкипировкой.

Ну и уж совсем невразумительное: «Пит пошел по делам экспедиции к знакомым» – по бабам он явно отправился, по старым, в смысле молодым, школьным подругам. Причем тут дела экспедиции?!

18 июля 1972 г. Гочаков.

Будильник поставили на 7, собрались пораньше приготавливать отход. Но все пошло прахом, Пита не удалось поднять, и все проспали до 10-00. Вставши, Пит побежал по городу, Витек с Дятловым пошли колымить на рыбокомбинат, мы кой-что делали по дому. После обеда с Питом пошли за формалином, выторговали 1,5 литра 10%.

Вечером рыбачили и поймали 3 красноперки, я впервые выудил рыбу в этом сезоне и был очень счастлив, по этой причине до двух ночи выражал ретивость, чем привлек всеобщее внимание и поэтому имел пожелания прекратить.

Спокойной ночи, завтра очень основной день, последний день приготовлений к отходу.

«Выторговали» - в Сахалинских терминах того времени выглядит так: «Дай формалину литров пять!» «Не дам! Только литр!» «Ну дай литра три, мы заплатим!» «Слушай, ты меня утомил! Вот бери полтора и проваливай!» «А деньги!» «Так тебе что нужно – формалин или деньги!?»

Вот с соляной кислотой пришлось повозиться. В Питовой школе №1 нам дали отлуп под предлогом, что сия вещь очень опасная, при этом завуч все время косилась на бороду Гочки, но какая-то подруга из Горисполкома (это мэрия по-русски будет) направила Гочку на фабрику картонных ящиков, это Корсаковский промышленный центр, где этой кислоты ему отвалили – хоть залейся.

Правдин.

Чтоб черти съели этих фрайеров. Ничего не смыслят в числах, а лезут туда же.

Начинают описывать шестнадцатое число: «День начался с того, что проснулись на морвокзале». А оный мы покинули пятнадцатого в 18-00, и проститься с ним шестнадцатого не могли просто физически. Интересно, кто запомнил именно этот день и в каком состоянии он находился.

Итак, число, помеченное в данной рукописи шестнадцатым, считать пятнадцатым. Семнадцатым считать шестнадцатое, восемнадцатым считать семнадцатое, а восемнадцатое, написанное второй раз, считать восемнадцатым.

А я теперь буду писать за

19 июля 1972 г. Корсаков, Советская, 31, кв. 2. Правдин.

Ни одна живая душа не смотрит на сей дневник, как на художественное творение, а это в действительности некрасиво. Никто не может придумать ничего оригинального, в основном, все пишут: «День начался...». Я против такого

формального сухого подхода. И в данных строках выражаю свой протест.

А день кончился тем, что они пришли и получили много меньше, чем заслужили.

Весь день провели в беготне и окончательных сборах. Паршивое мое поколение, каждую железку, свалку и Горono приходится искать самостоятельно, в смысле, знаю я их один, но, с другой стороны, хорошо.

Пришли, скажем, в Горono, там меня узнали, а в таком разе встреча всегда приятней.

Обзвонила моя знакомая тетенька все школы и учреждения и выторговала нам литр соляной кислоты небрежным жестом. Пошли мы на фабрику картонных ящичков (опять благо город знакомый) и заполучили ее. А пока обратно шли Гоча – феня, расплескал 100г. У-у-у-у-у...!

А потом долго ждали Дятлова с Витей. Плюнули на них и на тару (Полковнику, благо, поручено добыть ящик для упаковки) и пошли на добычу сами, добыли с Гочей четыре ящичка, но два не стали использовать при упаковке. Посовали хлам и веселили толпу. Ругали Дятлова.

А эти алкоголики заявили только поздно вечером, посеяв в рядах очередную смуту.

Гоча, все-таки, гуманный начальник, давно пора вводить сухой закон.

«И там у меня знакомые, и эдак!» – Пит-задавака потом приватно признавался: «Убей меня если я всех этих симпотных девчушек помню. Точнее, нечто знакомое в каждой из них есть, но где, по какому поводу, сколь долго и сколь близко мы были знакомы – не помню! Многообразна жизнь моя!» Однако во все официальные заведения входил смело и, первым делом, лез ко всем целоваться.

Одно слово – бабник!

Нигде не упомянут важный момент: мы отправлялись в места, максимально отрезанные от цивилизации, и должны были все свое носить с собой. То, что «сельпа» на острове нет мы представляли очень хорошо с самого начала.

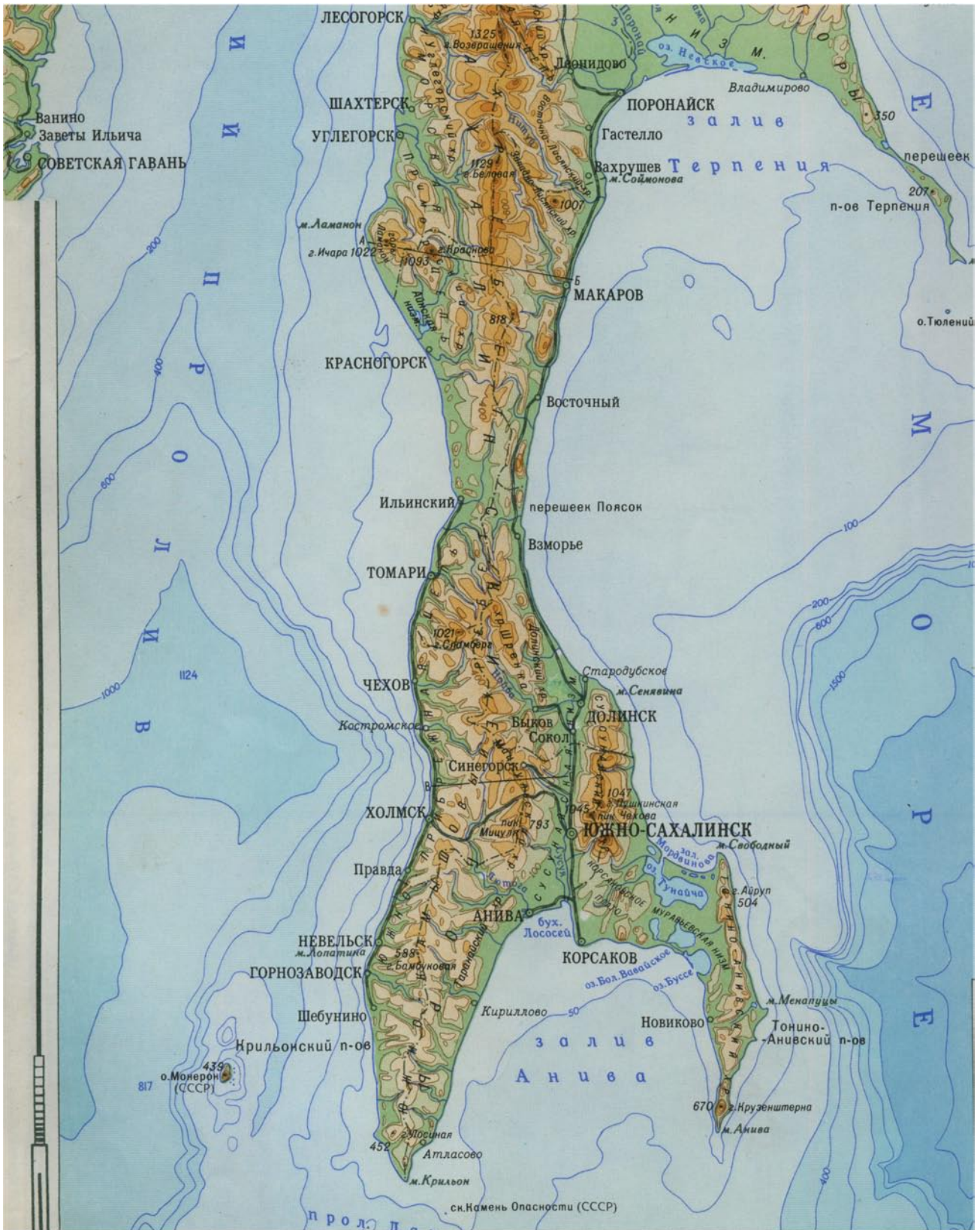
Из продуктов питания наиболее скользкой позицией был хлеб. Накупили его просто полный ящик, кто помнит те времена, тот представляет ящик из под спичек – метр на метр на метр. Так вот такой ящик заполнили хлебом под завязку. Сначала Гочка долго считал потребность этого продукта: куски складывал с кусками, булки умножал на дни, и все пытался где-нибудь в вычисления вставить людей, но его постоянное стремление отнимать и делить, мешало неторопливым операциям складывания и умножения.

Кормилица пыталась насушить сухарей на всю оставшуюся жизнь.

Математические расчеты упростил Полковник. При экспертном опросе он выродил Соломоново решение: «Сколько надо хлеба? Много! Все равно не хватит!»

Тихой сапой Гочка провел сахарную провокацию Вспоминая всевозможные эпизоды из своей дикой жизни, он предложил сахар в экспедицию брать кусковой, а не песок. Он долго и доходчиво разъяснял, что только кусковой сахар позволит экономично и рационально использовать драгоценный продукт.

Таким образом сей неисправимый сладкоежка протащил возможность и в диких, абсолютно нецивилизованных местах посасывать сладенький кусочек.

Глава четвертая.

“Поле”

Да! Такой термин действительно существует, полевая жизнь геологов, зоологов, биологов и прочих бродяг именуется «поле», как в кавычках, так и без оных.

Основная жизнь экспедиции происходила на острове три мили в длину и полторы в ширину, с постоянным населением двенадцать человек и не на квадратный километр, а на весь остров в целом, острове, лежащем не то что бы вдали, но сбоку от основных морских путей, острове не имеющем никаких зверей, кроме домашних, обладающим уникальной флорой, о таком острове хочется говорить только возвышенные, высокопарные слова, а сие не свойственно мужественным водолазам.

Поэтому для обозначения очередного раздела повествования выбрано это лаконичное емкое понятие, своим диссонансным звучанием подчеркивающее абсолютно несухопутный характер действий и соленость морских ветров.

А на Моннероне откуда бы ветер ни дул – он с моря!

20 июля 1972 г. (по памяти). Савченко.

Встали в 7 часов утра. Быстро собрали рюкзаки. Настроение приподнятое: скоро Моннерон. Гоча с Вовкой смотались за бензином, Кормилица наводила имон в квартире, все с нетерпением ждали звонка Сергея Петровича, он должен был сообщить, получено «Добро» или нет. В 11 часов наступил волнительный момент: вбежал Пит и, схватив первые попавшиеся три (или четыре) рюкзака, с криком «Поехали!» вылетел из фатеры. Закинув все имутки в машину и бодро рассеившись кто где, мы выехали по уже знакомой дороге. Все, кто не надеялся на себя, проглотили по таблетке «аэрончика» (от морской качки), думая, что теперь-то им ничего не страшно. Приехали в порт, грузим вещички на катер, ждем. И... дождалось! Пришел Сергей Петрович и объявил, что никто «добро» не давал. Мы немного потухли, малость понадеялись, но в конце концов еще раз вернулись в гостеприимный дом Пита, прихватив одеяльца и спальники. Вторую половину дня пропадали на рыбалке. Вечером опять собрались все вместе за столом и слушали «морские рассказы» Сергея Петровича. После чая мама Пита имела счастье (?) послушать наш концерт. По моему, наибольшим успехом пользовались «Лукоморье» и, конечно же, «Горшочек».

...«По памяти»! Грандиозно, великолепно! Не помню я песни «Горшочек»! Не иначе опять переписчик намудрил, или память Чады. «Кусочек неба синего, как зонтик ...» помню, Пит еще всегда блажил на первых строках: «Кусочек неба синего и звездочка вдали сияют мне как слабая надежда ...», поэтому песню всегда начинали дважды. А «Горшочка» не было! «Кусочек» наверное!

Да! Морские рассказы настоящего моряка – это что-то! «На морской выпуклый глаз», «матрос Пупкин», «говорю сам себе «стоп», но за ручки телеграфа не берусь» – нет, невозможно передать той завораживающей манеры изложения СП – посему и не буду.

21 июля 1972 г. Стражева.

Все начинается с дороги, так и в этот день. Ждали звонка, а когда он прозвенел, нам сообщили, что дано разрешение на выход. Все радостно вздрогнули и суетливо

забегали по комнатам. Предусмотрительно осмотрелись по сторонам, дабы не забыть какую-нибудь важную вещь, с одеялами под мышкой бодро затрусили к пристани. Подождали несколько часов (в течение которых натворили много полезных дел), погрузили шлюпку с мотором на наше судно, и тут обнаружилось, что гитара осталась стоять за телевизором дома. После коротких, но бурных пререканий я с ключом в кулаке помчалась в город. Через 25 минут с пульсом 125 ударов в минуту и давлением 140 на 75 и с гитарой была на месте, и ровно через час мы отчалили. Не буду много описывать расставание (нас провожали предки Пита), но скажу, что было много влажных лиц, крепких рукопожатий, заверений мыться, подстригаться и не заплывать далеко. Детально осмотрели наш катерок, проверили исправность имеющихся в наличии приборов, и занялись своими делами. Чадо легло на палубе в ожидании признаков морской болезни, да так и пролежало. Валерка и Сергей Петрович проводили чемпионат катера по шахматам (одновременно со Спасским и Фишером), Гоча лежал на носу (катера) и жевал воблу, Вова Лейцин с ужасом обнаружил первые и последующие признаки морской болезни старался не отходить далеко от борта. Я пошла стряпать пончики. Виктор и Полковник вели умственные разговоры с капитаном, следившим за ходом матча С.П.-Валерка и изредка посматривали из-под руки, не покажется ли на горизонте долгожданный Моннерон. Вреди было еще шесть часов пути.

Весь покрытый зеленью встретил нас остров. Прямо перед нами в скалах чернела пещера. Немного левее о камни с шумом разбивались волны, где-то там, на вершинах, шло образование облаков (научно объяснил мне Витя), а в кольце, куда вошел наш корабль, было тихо и спокойно. Совсем рядом обнаружили избушку с двумя комнатами, печками, столом и нарами. Здесь мы решили остановиться, и голодные, но довольные, уснули в последний раз на катере.

Место первичной высадки на острове определяли долго и еще в Корсакове. СП выделил для экспедиции великолепную морскую карту, где остров был величиной прямо с лапоть, обозначены названия всех мысов, островков. Глубины!

Прежде чем облизывать остров в натуре мы его хорошенько облизнули на карте. Гочка, аки Чапаев, шагал циркулем по карте и невнятно бормотал под нос. С противоположного края стола над картой свешивался Полковник и, забрав бороду в кулак, вымысливал альтернативу. Прочий мелкофизический люд суетился и роился вокруг этих двух мастодонтов и жужжал. Когда возник вопрос, куда в состоянии СП высадить нас физически, обратились к Питу, как к наикрайшему консультанту. И тут обнаружили, что Пит проявил какое-то индифферентное отношение к происходящему – спал. Когда его разбудили, он зевнул, сказал, что фазер в состоянии высадить где угодно, хоть у черта за пазухой или у него же на куличках, на то он и военный гидрограф, но высадит нас там, где сам давно решил. А что решил уже – к бабке не ходи! Поэтому нечего гадать, надо просто у него спросить. Спросили и получили четкий ответ: – «В ковше! А там, на шлюпке, ищите место или живите прямо на пирсе, там вагончики есть». Истолковали. Мудро!

Шлюпку СП выделил «Ял-4», с четыремя веслами, но без мачты и паруса. И сколько Пит не подбивал к нему клинья, паруса не дал. Оно и понятно – ищи нас потом в Японии. Гочка подсуетился и выцыганил у команды катера лодочный мотор «ЛММ-6»: Лодочный Мотор Морской, но не Шесть Лошадей, а для ЯЛ-6. Такой мотор

не увидишь на материке, нога у него длинная, сам агрегат маленький, винт большой и крутится медленно. Спесуально для ялов. К ялу выдали якорь классический, так и тянет сказать – адмиралтейский, но не скажу, поскольку он просто Якорь Дрека.

Процесс следования катера на остров протекал, действительно, почти, как записано в дневнике. Вышли из Корсакова и под монотонный стук дизеля пошли.

От Камня Опасности прошли где-то очень далеко, не видели, как ни всматривались. Хотя Сергей Петрович сразу предупредил, что ночью маяк увидеть можно, а днем пока на него не наскочишь, не заметишь. Мыс Крыльон также миновали вдалеке, а за ним сразу направо и по краю Японского моря напрямик до острова.

На катере личный состав действительно облазил все и вся, однако катер после этого не потерял ни хода, ни маневренности.

«Кольцо», про которое ведет речь Кормилица – это ковш. На Моннероне он расположен не совсем обычно, входом к острову и, для того, чтобы в него попасть необходимо сначала идти мимо него на рифы у побережья, очень красивые и действительно опасные, а потом развернуться на сто восемьдесят и входить в ковш. Постройки он, как и практически все на острове, еще японской, сделан добротно и, как ни разваливался за тридцать лет, полностью развалиться не успел. К обороне от нападающего врага очень даже приспособлен.

«Избушка с двумя комнатами» при внимательном рассмотрении превращается в два рядом стоящих вагончика-балка, один чуть побольше, другой, соответственно, на такую же чуть, поменьше. В большем балке великолепные двухъярусные нары и буржуйка отопительная, в меньшем явно всегда была кухня. Стала там она и у нас.

Сэры и леди – это вам не палатка. Полная санитария, удобство, уют и никакой цивилизации вокруг – море и скалы!

Единственный недостаток, что непосредственно в лагере не бьет родник с питьевой водой, но два родника в достижимой дали присутствуют: один в шляпочном достижении, второй в покамнескакательном, понимаете, что сие проблемы весьма спокойно преодолимы.

Дрова у моря всегда на берегу.

«Поле» начинает приобретать вид законченный и обустроенный. Дятлов застелил нижние нары надувным матрасом и покрыл оный простышкой – резина холодит! Компрессор поставили в углу кухонного вагончика, там же разложили прочий технический скарб экспедиции, повесили веревки для просушки гидрокостюмов и ... ушли спать на катер, в цивилизацию.

Эх! Стражева, Стражева, Кормилица наша непревзойденная, что же ты забыла поименовать судно, доставившее нас на искомый остров?! ГПБ-169, что в переводе звучит Гидро Промерочный Бот, с соответствующим бортовым номером. Пусть не вводит в заблуждение слово «бот», судно вполне мореходное и СП в свое время на нем из Корсакова ходил на Курилы одного из адмиралов встречать. Именно ГПБ-169 забросил экспедицию в конечную точку и, забегая вперед, он же вывез ее оттуда. В контексте дневниковой записи Кормилицы могло бы быть: «Изящный белопарусный бриг!»

22 июля 1972 г. Стражева.

Меня разбудил настойчивый (мягко выражаясь) стук в дверь каюты. Открываю, в дверях нечесаный заспанный Гоца. «Катер отходит, - говорит, - встряхивайся».

Я покорно вытряхиваюсь из каюты, хватаю на бегу двое очков и что-то еще, не обратив внимания на кошелек и «Спидолу», выпрошенную у отца Пита. Начали устраиваться в своей хижине, вынесли сор из избы, начали распахивать рюкзаки по углам, и тут обнаружилось, что в трюме оставили двуручную пилу, я – кошелек в каюте (про «Спидолу» еще никто не вспомнил).

Решили идти на маяк (наш катер от нас пошел туда отвозить провизию).

Мы с Лейциным отправились в трудный и опасный путь. Предстояло пройти несколько хребтов, ущелий, переправиться через множество горных рек, плотом здесь не сплывишься, так как горные реки быстры и коварны. В наиболее опасных местах (и труднодоступных) чья-то добрая рука натянула веревку. Не раз мы оказывались на скалах. А внизу плескалось море. Добрались до маяка благополучно, и здесь крепко напаялись: оставив дорогу в стороне, мы решили сократить путь, дабы не упустить катер, который был виден с обрыва. Что это? Мы попали в тропический лес, гигантские папоротники обступали нас, влажность воздуха была не меньше 99% и больше всего было лопухов, их было целое море, они, конечно, тоже были гигантские. «Лопухи среди лопухов» - так можно назвать наши хождения.

Выбрались на дорогу. Дошли до катера стали ждать у моря погоды. Шлюпка, перевозившая продукты с катера на берег, с обезумевшими от ужаса людьми не могла пристать к берегу. Мы вытащили ее на песок, помогли выгрузить мешки. Тут подошли Гоча с С.П. (Гоча приехал на маяк на катере знакомиться с местным начальством, авось, пригодится). Забрали кошелек, пилу, «Спидолу» и повели Гочу в лагерь. Вторую половину дня устраивались, пилили дрова, вечером Валера с Витей рыбачили.

Великолепный слог! Полно междометий, скрытого подтекста и художественных сравнений!

Подтекст настолько скрыт, что раскрывать его не имеет смысла, так по мелочи: Гоча в экспедиции был чесанным только тогда, когда все постриглись «насовсем».

Но хорошо! Балок или вагончик у Кормилицы («хижина»), и далее про «хребты», «ущелья», «горные реки». Вот вам истинная романтика!

Да, гигантизм Сахалинских растений общеизвестен. Действительно, лопух, папоротник, прочая зонтичная поросль размеров просто невообразимых, в полтора Дятловских роста! А Дятловский рост составляет одну и две десятых Гочаковского, одну и двадцать шесть сотых Питовского, одну и четыре десятых Валеркиного, ну и так далее! Понятно, что не маленький!

В старое японское время от ковша до маяка по отрогам островных гор шла великолепная дорога с бетонными мостами-переходами через ущелья и горные потоки. Когда японцев заменили на россиян, дорога постепенно пришла в негодность, и передвигаться стали по горным тропам, а все необходимое выгружать на побережье прямо под маяком «обезумевшими от ужаса людьми».

Я понимаю Кормилицу, увидеть такое впервые – далеко не для слаонервных. Шлюпка проседает между волн так, что скрывается из глаз, непрерывный рокот моря создает ощущение невозможности криком дать хоть какой-либо знак. Будь то знак восторга или отчаяния. Несмотря на то, что все происходит у берега, это практически открытое море. Моннерон всегда в открытом море!

Расположение лагеря для проведения подводных работ просто сказочное. Ковш японцами врезан в мыс и группу прилегающих к Моннерону островков, таким

образом, в десяти метрах от хижины – великолепная причальная бетонная стенка и акватория пятьдесят на сто, защищенная от волн и течений. Акватория чистая в биологическом смысле, поскольку порт используется крайне редко и небольшими катерами, и катера эти умыты морем. Двадцать метров в другую сторону, на юг, и к вашим условиям великолепный залив, с богатейшим бентосом. Сразу за ковшом, на север череда заливчиков и бухт, просто манящих глаз исследователя-биолога. Для романтиков там же торчит группка великолепных рифов. Хотя афоризм, произнесенный Дятловым на Моннеронских берегах гласит: «Романтика начинается тогда, когда кончаются продукты!»

Как хорошо, что Гочу привели обратно в лагерь! Дошел бы он один, болезный, или нет – вопрос!

Но Кормилица – гуманистка. Финал раздела должен был звучать: «Вечером Валера с Витей утопили великолепный якорь!» А рыбачили они уже после, между делом. Эти два сибирских моремана неверно поняли смысл команды: «Отдать якорь!», или предупреждение, что второй конец якорь-троса должен быть надежно принайтован к банке. Поскольку якорь ушел в небытие, вместе с якорь-тросом и более никто никогда его не видел, то так никто и не узнает, была ли привязана к якорь-тросу ну хоть какая-нибудь банка!

23 июля 1972 г. Лейцин.

Встали, как обычно. Сегодня дежурный – Валерка. Поели и занялись каждый своими делами. Полковник чинил св. костюм «Нептун» - менял молнию. Пит пытался наладить бокс для кинокамеры, но ничего не вышло – текет. Гоча с Витей делали двери. Чадо что-то химичила с формалином. Кормилица солила капусту.

Сенсация!

Пит выпустил первый боевой листок в – стихах.

После обеда Полковник обновил св. костюм и наловил кучу трепангов. Валера с Витей сплавали на рыбалку и поймали трех ершей – огромных

<----->
во каких. Пит в «Садко» облазил весь ковш. Кормилица и Чадо тоже поплавали. На ужин Витька сварил отличную уху. Наелись так, что вечером ни у кого не было сил петь.

Надо отметить отличное дежурство Валеры. Кормил он нас отменно.

Текст весьма содержателен, однако следует заметить, что еда и стремление к ней – наиболее низменное проявление нашего организма. Столь частое в дневнике упоминание о еде, наверное, не совсем случайно, и определено не только низменными мотивами. Абсолютная автономность, весьма небольшой остров, оторванность от всего, и постоянное ожидание дня, когда в дневнике будет записано: «Вторую неделю еды нет никакой!» Обратите внимание, в завершающих строках дневника, когда экспедиция находилась практически на финишной прямой, с каким плохо скрываемым небрежением упоминается еда: «... прозябали»!

Тут хотелось бы еще провести легкую полемику с автором: «встали как обычно», а это первая ночь на острове – неясно, Чадо химичит с формалином – понятно, формалин – химикат, но какую капусту солила Кормилица?! Увы, не помню морскую или сухопутную капусту солила Стражева, а я предупредил вначале изложения, что

тридцать лет прошло, что это не баран чихнул, а больше, чем было экспедиционникам тогда! Плохо с памятью!

Рыбак вернулся с моря,
Охотник вернулся с холмов.

Как рыбаки вернулись, в шлюпке пара ведер рыбы и столько же метровых акул – сельдянок, помню. Трясущиеся руки у счастливых рыболовов помню. Немоту их от избытка чувств и эканье-меканье помню. Квадратные глаза у них помню. Последующие рассказы об акулах, выскакивающих из воды до планширя и нагло откусывающих наживку на лету не только помню, но даже в это свято верю:

Я верю в совесть, ум и честь
Властителей земных!
Я верю, что русалки есть,
И верю в домовых!

Но не помню я, какая была капуста! А может быть, речь шла о пекинской капусте, и Кормилица пыталась создать для нас изысканнейшую приправу «чумча»?!

Где те боевые листки, которые Пит начал выпускать именно в плане социалистического соревнования, внедрения новых методов и покорения новых рубежей? Как следует из текста дневника, по прямому наущению Дятлова. Думаю должно их быть порядка десятка. Может, они помогли бы моей старческой дряхлеющей памяти! А может быть и нет!

24 июля 1972 года. Дворецкий.

Встав и наскоро сделав зарядку, все кинулись к завтраку, в меню которого намечались жареные трепанги и нептунии. Аппетитно и с превеликим удовольствием насытившись, все принялись за свои дела.

Сначала Гоча вывел в люди ЛММ-6 и, произведя его обкатку, отправился с Дятловым и Владимиром на погружения – поиски затонувшего якоря. Якорь не обнаружили и, вероятно, на этом его поиск будет закончен.

Тут же выяснилось, что Гочин аппарат на 20-30 атм. то ли стравил, то ли забыли забить. Опробовали и «Гнома». Начало несколько обнадеживающее – заводится хорошо хоть. Правда, травит изрядно.

К вечеру возвратился Виктор с рыбалки – ездил с колымачами на катере – и наловил огромное количество ершей и терпугов. Рыбы было так много, что, оставив три на уху, остальных выпотрошили и засолили для последующего вяления.

Как всегда, основательно про еду и далее немного о деле. Трепангов ели точно, но что касается нептуний, то пусть тот, кто поближе к определителю, посмотрит, это моллюск или это нечто подобное актинии, эдакое навроде хобота. Если актинии подобная вещь, то пусть Валерка не врет – не было в экспедиции такого голода, чтобы мы подводные скалы обгладывали. Моллюсков, точно, харчили всех подряд, поскольку наиболее известного гребешка *Pectun Sahalinades*, основного для промышленной добычи, на Моннероне не было совсем. Происходит это от того, что глубины у острова строятся весьма резко: десять, двадцать, сто, и далее уже как стол, сотня с легкими перепадами. Такая структура дна определяется, конечно, не только породами, над

которыми расположен данный участок моря, но и наличием сильных течений, в том числе встречных.

Такая же структура дна наблюдается на Баренцевом море в районе Дальних Зеленцов, месте расположения Мурманского Морского Биологического Института, базы Баренцевоморской экспедиции Ската тысяча девятьсот семьдесят первого года. В тех же краях – миль триста на север много лет спустя погиб Атомный Подводный Ракетный Крейсер «Курск».

И это стремление к точности не просто въедливость, во всем должна быть точность, рассудительность и деловитость: если ели нептуний, значит ели, но если нептуния – это не моллюск ...!

В отчетах скатовских экспедиций всегда была просто научная точность.

Опробование «Гнома» сопровождалось злобным ворчанием Полковника. Бросив на жертвенный алтарь свою бороду, он был готов к экзекуции, но наши великолепные технари Лейцин и его генеральный заместитель Валерка Дворецкий увлекались, в основном, операциями подготовительными: «К запуску!», «Есть к запуску!», «От винта!», «Есть от винта», «Отставить!», «Есть отставить!». Дятлов злобно шипел и грязно ругался, он мечтал принести себя в жертву, а ему этого не позволяли. Его принципом было: «Да пусть хоть затравится, но аппарат забьет!»

«Колымачи» - это, наверное, в изложении Дворецкого, люди, отправившиеся на калым. Да простят меня знатоки Великого Русского Языка, не за калымом, а на калым. Этимология данного выражения твердо лежит в области семидесятых годов двадцатого века. И она такова: в тот день на острове появился гражданский катер с пьяным экипажем и набором неморского вида пьяных мужиков, всего человек шесть – прибыли на калым, подзаработать.

На самом деле остров Моннерон, в бытность там Скатовской экспедиции, представлял из себя густо населенный район, а ковш был чуть ли не как проходной двор. На острове геологоразведка бурила скважину рекордной глубины восемь тысяч метров. Четыре тысячи прошли еще два года назад, а теперь опускали трубы для продолжения бурения и народу толпилось на противоположной стороне острова гигантское количество – человек двенадцать, а может быть шестнадцать. К ним время от времени приходил катер с Сахалина, всегда с пьяным экипажем и всегда неизвестно за чем. Наверное, эти моряки трезвыми в море выйти боялись, а выйдя пьяными, забывали зачем шли.

Вот и мотались они туда сюда каждую неделю.

Заготовка рыбы впрок была произведена то ли безграмотно, то ли просто по сухопутным меркам, в результате в нашем насквозь продуваемом ветрами лагере, где не было и следа насекомых, появились мухи. Это было лишним подтверждением тому, что мы биологическая экспедиция.

Мух и гниющую рыбу терпели дня три, а затем рыбу выкинули в море.

Вообще, Моннерон, с точки зрения фауны, весьма интересное место: зверья нет, естественно, никакого, а птицы весьма редки и немногочисленны, наверное, неудобный остров для гнездовий. Поэтому биологический порядок вокруг себя необходимо было постоянно блюсти.

Вот в Баренцевоморской экспедиции, по воспоминаниям ее участников, вести себя можно было просто по-свински, и, что характерно, к этому было все расположено: помоек в Дальних Зеленцах не было, остатки пищи выбрасывали прямо

с крыльца – вбок, а чайки за ночь, светлую и полярную, вычищали всю территорию. Диамант (однокурсник Гембома) выкинул как-то с десяток голотурий уже хорошо наформалиненных, утром их как не бывало.

Но это был Север, в нашем случае был Дальний Восток.

25 июля 1972 года. О. Моннерон. Правдин.

Приятный выдался денек.

С утра я был в дупель больной, лег после зарядки, завтрака и небольшой съемки спать, к обеду проснулся здоровым, как огурчик. А все это время Гном копотил аппарат, раскопачивая его в пух и прах. В конечном итоге, травя, дымя и чихая, выдал он семьдесят атмосфер, что было встречено бурными выкриками и народным ликованием.

Дятлову необходимо стало бриться, так как зарок есть зарок, а семьдесят атмосфер и в Африке семьдесят атмосфер.

После обеда зарядил я камеру и начал портить пленку. Но Полковник – прирожденный артист, с таким человеком можно снять любой фильм. Обрили Полковника подчистую. Ну и стала же у него, извините меня на грубом слове, морда.

Смирившись с сим фактом (безбородым Полковником), начал заниматься разнообразными делами.

Гоча вдруг ни с того, ни с сего поволок нас на погружение, но до этого Чадо, вся дрожь от восторга и избытка чувств, уселась на ежа. Была беготня с розыском швейных иголок и вытаскиванием иголок ежа и прочими хлопотами.

Итак, пошли на погружение. Дно, доложу я вам, бедное до ужаса, едино что хорошо и прикольно – много трепанга. Поплавали с Татьяной на воле волн, оставил я атмосфер и вылез, но до этого я зарезал камбалу. Плыдем, видим (точнее, я вижу) – лежит на дне и смотрит перпендикулярно нашему курсу. Левую руку вожу ей перед глазами на расстоянии метра-полуметра, правой рукой делаю останавливающий жест Татьяне, потом рука идет за ножом. Зависаю над ней с вытянутыми вперед руками, делаю выдох (начинаю опускаться), одновременно с выдохом следует удар, который завершился моей победой.

День кончился просто и благородно – легли спать. Правда сначала долго лечили Гочу. Этот фрайер болеет уже третий день.

... снова поздравляю! И где только нашелся такой плохой переписчик! «Копотил аппарат»! Колотить, заколачивать – от простого подводного понятия «забивать». Баллоны аквалангов забивают воздухом, а не копят, копят и мурыжат. Следовало бы это знать этой полусухопутной личности – переписчику... .

Но сколько красочных, одному только автору известных подробностей!

К этому великолепному образцу эпистолярного жанра хотелось бы добавить немного технических моментов.

Вода на Моннероне конечно уступает по прозрачности водам Баренцева моря, но прозрачность ее зарыта в тех же причинах.

Общеизвестно, говоря «общее» я имею в виду образованные слои нашего социума, что уникальная прозрачность моря Баренца объясняется низкой температурой воды – влияние холодных арктических масс и привнесенных в этот ледяной холодец теплых вод течения Гольфстрим. Именно температурные контрасты создают такие условия

для развития микроорганизмов, что они с одной стороны живут, а с другой, не такие мелкие, чтобы гадить воду, чем и обеспечивается ее прозрачность сорок-шестьдесят метров по вертикали и сто-стодвадцать по горизонтали.

В этом же причина уникальной прозрачности Байкальской воды.

В нашем случае, теплое течение Куро-Сиво из нижней (южной) части Японского моря, смешиваясь с холодными водами, опускающимися с севера через Татарский пролив обеспечивают видимость в водах острова Моннерон до тридцати метров по горизонту и вертикали.

Чадо село не просто на ежа, для посадки был выбран Морской Ёж Черный *Strongulocentrotus Nodus*, самый длинноигловый и самый ядовитый по ним. Иглы этого ежа весьма крепки, очень хорошо втыкаются и крайне плохо наоборот, и, что характерно, гидрокостюм «Садко» этим ежом пропарывается насквозь.

Но Пит – шмурак! Изобразить обыденный факт поимки камбалы как поединок! «Камбала туда, я сюда, бурун за кормой, нож со свистом разрезающий воду! Еще напор и враг бежит!» Ну, просто схватка титанов! Поэма!

26 июля 1972 года. Гочаков.

Прожили на острове уже пять дней. В результате подготовлена база для подводной фотосъемки и фиксации животных. Подводная киносъемка стоит под вопросом, но нужно надеяться, что в конце концов уговорим бокс не пропускать воду.

Компрессорщики уже замучили гнома, выдал на гора два аппарата и потребовал капитальной профилактики. На ходу шлюпка с мотором, если бы был воздух, можно было начинать обследование бухт острова. В крайнем случае, будем выезжать в комплексах №1 при наличии бензина, который надеюсь взять у буровиков. Сегодня был в целом солнечный день, кроме интересных окружений нашей базы туманом, кругом туман, а у нас солнце. По крайней мере, трепангом мы себя обеспечили.

Наши девушки сегодня целый день возились с ежами и звездами, купали их в разных растворах и раскладывали и развешивали сушиться.

Перед сном у Пита и у Татьяны возникло чувство дровосеков, и они пилили дрова, после чего, презрев весь народ, который, как всегда, улегся в домике, пошли спать на улицу. Пожелаем им спокойной ночи, и нам тоже.

Однако, как разнится подход к вопросам подводной киносъемки и компрессорным работам: если о компрессорщиках говорится во всех строках дневника как о сподвижниках, которые каждый божий день осуществляют подвиг, в смысле продвиг, то о киносъемке всегда идет речь – вот опять не все удачно!

А если следовать исторической правде, то два упомянутых аппарата были последними забитыми «Гномом» в экспедиции, а что касается фильмов и фильмографии, то из экспедиции приехало тоже два фильма: восьмимиллиметровый, на песню «Кривыми путями, путями кривыми, нас жены таскали мы были ручными», так, нечто любительское, где вся экспедиция изголялась на завораживающих пейзажах острова впрямую по тексту песни. Дикий край, дикий папуасский наряд из морских водорослей, дикий сюжет.

А шестнадцати миллиметровый имел продолжительность пятнадцать минут и вполне подводную направленность, хотя процент подводных съемок был, конечно, меньше половины, но в цвете это смотрелось великолепно. Особенно кадры, где

подводный пловец в «Садко» движется на фоне затопленных кнехтов, разрушенных конструкций, вещей под водой мерзких и неприятных, а на экране – сплошная экзотика. Сценарий фильма был не писан, но впоследствии был украден (первые строки этого произведения просто взяты из того неписаного сценария).

Фильм получился долгожитель. Сразу по возвращении в Томск, естественно сразу после обработки фильма и монтажа, он был показан в клубе, на Кафедре Биологии Беспозвоночных и областному телевиденью. Якобы главным действующим лицом в фильме был Гочаков, якобы, поскольку он в кадре красиво влезал в гидрокостюм, а далее в воде, где морду не видно, снимались многие, больше других Валерка Дворецкий.

Что характерно, снят фильм был в лучших традициях того времени, прямо с поверхности. В первый же день экспедиции Пит обнаружил невдалеке от ковша плот из четырех небольших бревен, сооружение крайне хлипкое и неустойчивое, но способное держать на плаву одного человека. Для подавления отрицательных воздействий надзвездных сфер нарек Пит этот плот «Напаем».

В середине плота была проделана дыра, которую и приспособили для киносъемок. В комплекте номер один, вооруженный кинокамерой в мягком боксе кинооператор выдвигался на место предстоящих съемок, зазывал себе артистов, и начинал ваять нерукотворное кинополотно.

Хотел бы обратить внимание читающих, что происходило это в тысяча девятьсот семьдесят втором году. Это в нынешнем веке фото- и кино- техника затаскивается под воду простым движением руки: купил фотоаппарат, взял его в руку, двинул и затащил его в воду. И ничего!

Печальна судьба этой киноленты, как печальна судьба любого эпохального произведения. Фильм был пропит.

Произошло это через несколько лет после начала повсеместной демонстрации фильма. Поскольку любое, даже самое завалющее, эпохальное произведение используется во всех ипостасях, пока не загниет, не протрется до дыр и полностью не обветшает, то и фильм моннеронской экспедиции смотрели, где только это было возможно. В конце концов, установилась четкая традиция: демонстрировать фильм на скатовских свадьбах. И, вот на одном из пиршеств, ставших для фильма роковым, после просмотра «кино» и обычного свадебного ликования и веселения, при возвращении домой, кинопроектор, фильм, и веселые товарищи были погружены в «левую» автомашину УАЗ.

На утро, при переключке, выяснилось, что из автомашины были извлечены только веселые товарищи, кинопроектор и фильм канули в лету вместе с автомобилем УАЗ.

И вот сейчас, наблюдая такую славную ретроспективу истории моннероновского кино, мучительно больно видеть в дневнике столь небрежные упоминания о киносъемке, как о процессе перманентно неудачном.

Не могу вспомнить и тем более понять «наличие бензина» и «взять у буровиков»! С собой на остров мы приперли восемьдесят литров бензина. Целая бочка стояла на пирсе – хоть залейся! Чем он не удовлетворял? Не знаю! Наличного бензина хватило бы на непрерывную работу «Гнома» и ЛММ-5 в течение всего полевого времени экспедиции. Наверное, экспедиционный бензин оказался очень хорошим, а для ЛММ нужен был плохой!

Купание животного в растворах – это из опыта Баренцевоморской экспедиции, до нее в экспедициях звезды получались плоские, а морские ежи «причесанные». Единственная морская звезда, которая, в то время нормально смотрелась в витрине «Президентской» была выкрашена Шуриком Дворецким половой краской. Вот эта «половая» звезда была похожа на настоящую, все же остальные напоминали вяленную корюшку: щеки впалые, а хвост длинный и сухой.

В экспедиции тысяча девятьсот семьдесят первого года на Баренцево море, как и во всяком Скатовском вояже, произошло несколько весьма ценных встреч. А встреча с доцентом “Кафедры Биологии Чего-то Морского Где-то В Москве” существенно обогатила нас знаниями.

Доцент был невообразимо стар – полных тридцать, а то и все тридцать два года и имел эскорт из четырех очаровательных двадцатилетних девчушек, которые таскали за ним всякий скарб сильно превосходящий их всех вместе взятых по весу и объему. Справедливости ради следует отметить, что основную тяжесть научный кадр тащил на себе, но остаток или разность был так велик, а девчушки так миниатюрны, что аналогия муравьев (муравьих?), волокущих гусеницу, прочно усаживалась на ум.

«Вот, все что есть!» - С плохо скрываемым сожалением поведал обладатель научной степени – «но у меня было условие, если едут, то носят тяжести!» До сих пор мне непонятно это небрежительное: «все что есть» - а чего ему еще надо было?!

Эта Пента бродила по литорали и собирала легкомысленных, не успевших убежать от отлива, морских звезд. Водолазное снаряжение, водолазный опыт и водолазные возможности у них были нулевые, возможность собрать достаточную биологическую массу материала – близкие к нулю – звезды на Севере не дуры!

Как вы понимаете, brave водолазы «Ската» все разом выгнули грудь и натащили такое количество звездного материала, что даже если половину съесть прямо на месте, то оставшуюся половину нести будет очень тяжело. Выполнили месячный план девчушкам за два дня. Не подумали просто! Этот научный сухарь сразу увел подруг куда-то в другие края, но на прощание поведал секреты фиксации морской живности типа звезд и ежей.

Способы основаны на весьма подлом поведении. Звезда, например, вынимается из воды и раскладывается на плоской поверхности где, в силу естественных причин, она начинает упускать из себя воду, пока не становится плоская и безобразная вот тут ее бережно (!!!) кладут в формалин. Как всякая нормальная животина звезда делает глубокий судорожный вдох и, поскольку она в этом случае, поперхнется, то так навсегда надутой и останется. Через пару суток ее можно вынимать из формалина и сушить.

Фиксация ежика еще гуманнее, его из морской воды быстро переносят в раствор десяти процентной соляной кислоты, а там он ни поперхнуться, ни «причесаться» не успевает. Гуманизма!

Знание не бог вещь какое, но не обладая оным в тысяча девятьсот семидесятом году Первая Баренцевоморская привезла грудку гнилых звезд, и такого же качества иноного фабриката. Единственное, что удалось той экспедиции, это вяленая рыба (Пикша), она – из той экспедиции была очень даже ничего! И если вяленную рыбу можно рассматривать как фиксацию биологических объектов, то объекты были великолепны. Но это о постороннем!

Не совсем понятно заявление про «чувство дровосеков», если Пит с Кормилицей пилят дрова, то можно говорить о чувствах, но почему дровосеков?! И уж если Пит ни на какие другие чувства не способен, то почему бы не отметить его всех увлекающий задор и общественно полезный труд?!

27 июля 1972 года. Дятлов.

*Мы все пижоны,
А Пит – шмурак,
Не хочет делать
Зарядку он никак.
Трепался много,
А сам – в кусты.
Его мы будим,
А он все спит.*

После долгих уговоров и устыжений Пит встал и пошел делать физзарядку. Это результат пижонства. На улице спал, комарики донимали, днем досыпать решил.

Наши технические гении скоро доломают Гнома вконец. По-моему, его надо оставить в покое, в смысле не профилактик (раскручиваний-вкручиваний), а заставить элементарно набивать аппараты воздухом.

Сделал затяжку для бокса. Не течет. Попробовал подводную съемку. Кадрировка нормальная. С экспозицией напай небольшой и слаб контраст. Прошли съемки первой части фильма, не имеющего пока названия. Пит замотал нас вконец. За это ему вечером был банно-прачечный день. Гоча что-то возится со вспышкой.

Просто великолепно! Ни слова о еде, зато много интересных, одному Дятлову известных, в том числе технических, подробностей. Обратите внимание: Пит – шмурак!

Зарядку Пит отправился делать на пирс, один конец которого являлся входом в ковш. Там он размялся, проделал ряд гимнастических и силовых упражнений, и, взяв в рот зубную щетку с пастой, ласточкой прыгнул с мола.

Все слышали выражение: «Пасть порву!» Оно, как никогда, подходит к выше описанной ситуации. Когда летишь вниз головой с двухметровой стенки, а во рту наискось торчит зубная щетка, именно такой результат и может быть достигнут. Только необыкновенная эластичность, прочность и гигантский размер Питовой пасти (в нее в то время входила пачка «Беломор Канала» по главной диагонали) спасала его от трагедии. В последующем Пит пытался найти щетке при прыжке достойное место, но куда же зубную щетку человек в плавках пристроить может!? (Гусарам – молчать!)

А прыжок с пирса это не просто красивый жест, это быстрый вход в холодную воду без возможности оттуда сразу выскочить. Так что после прыжка следовал бурный спурт метров на тридцать-сорок до ближайших камней.

Затяжку для бокса надо было видеть! Изготавливалась она из подручных материалов, а таковыми в тот момент являлись остатки малых буровых устройств, обломки кораблей и этому подобный морской мусор. Конструкция получилась на вид очень громоздкая, страшная, но главное, работающая. Бокс с фотоаппаратом напоминал нечто среднее между Крабом Камчатским и космической станцией «Мир»,

и готовился к погружению так же длительно и поэтапно, как и последняя к выводу на орбиту.

У Полковника было могучее желание увести боксовскую конструкцию в Томск и выставить в клубе как образец находчивости, инженерной мысли и такого же дизайна.

28 июля 1972 года. Савченко.

С утра был туман (Хоть выколи глаз. Даже рядом стоящую скалу было не видно). А мы-то собирались на маяк! Все занялись своими делами. Пит и Виталий полезли в воду за животными. Валерка с Володькой опять вымаливали у компрессора хоть сколько-нибудь атмосфер.

После обеда туман рассеялся, и мы поехали на яле на маяк и к буровикам. Даже под мотором! По дороге раза три на мотор наматывалась морская капуста и один раз чуть не сели на камни. У нас большая радость – на маяке есть компрессор, и мы договорились, что нам набьют 70-80 атмосфер. Пока мы ходили в гости, Пит исследовал ближайшую бухту.

Маячник отнесся к нам очень добродушно. Обещал достать макароны и вермишель. У буровиков я познакомилась с собачкой, которую хотела взять в лагерь, но мне поставили условие – или я или собачка. Пришлось выбрать себя.

Вечером часов в 9 Гоче пришло в голову поплавать и испробовать свою фотовспышку. Вся толпа высыпала на берег в ожидании зрелищ. Пыхает вспышка здорово, но через снимок. Гоча колотил ее кулаком, так как она не контактила. Вовка поймал червя длиной сантиметров сорок. Жалко, что не успел его заснять. Затем пели. Вот, пожалуй, и все.

Туман, туман, седая пелена! Пропавшая из видимости «рядом стоящая скала» это не просто потеря элемента географии. За этой скалой, а точнее сама скала являлась двухкабинным туалетом экспедиции: мальчики справа – девочки слева. Поэтому тоска Чады о потере элемента быта неподдельна.

Мотор на море, вы слышали как он стучит мотор на море? Это не комариный писк речных подвисух. Мотор на море стучит, стучит размеренно, вдумчиво, не торопясь. Натруженно, по-деловому. И уверенность в победе слышат люди в этом стуке.

Гочка конечно страховался и старался мористее не уваливаться, да и интересовало нас дно, рифы, а не морская вода, посему и шли не без приключений. Я бы хотел посмотреть на критиканов такой позиции, когда чуть мимо острова промахнулся и в одну сторону моря миль восемьдесят, в другую все пять сотен, а на юг вообще можно идти без стопа до самого экватора. Заприжимаешься тут!

Бухта Изо расположена так, что штормит там практически всегда. Если не штормит, то просто сильно качает. В таких условиях на небольших глубинах выживает только морская капуста *Laminaria*. Вылез Пит из обследуемой бухты, умотанный морской капустой, как лодочный мотор и злой на слабую биологическую активность, зубы у него от холода стучали также часто и громко, как и мотор собственно.

Связь с маяком обеспечила нам возможность нормального выживания, сельпа на острове не было, а добавка продукта очень даже не помешала бы. К концу экспедиции было уже абсолютно точно понятно, что без маячных прикупок, месяц «в поле» нам было не прожить.

Собаку, приглянувшуюся Чаде я не видел, и в правильность сделанного выбора просто так, огульно, не верю.

А Гочка, вслед за Дятловым, демонстрировал чудеса инженерной мысли и действий. Отличительной особенностью конструкции его подводной фотовспышки было использование батареи «Молния» триста тридцать вольт, и то, что принцип ее создания заключался во взаимопроникновении отдельных ее компонентов.

Для лиц слабо знакомых с историей вынужден пояснить: излучатель фотовспышки тех времен, импульсная лампа ИФК, размером и формой напоминает мелкого чилима, схемное решение имело размер пачки сигарет, а батареей «Молния» можно было убить – полтора кубических дециметра объем, два килограмма вес и хорошее напряжение. Хушь по голове бей, хушь контактами тыкай! Только отражатель был с кулак величиной.

После такой вспышки никаких «красных глаз», когда фотограф «пыхал» на суше, какие там «красные глаза» – минуты полторы в глазах темно было.

Была взята труба с иллюминатором на торце, батарея «Молния» и схемное решение вспышки, после чего все это стало совмещаться. В качестве отражателя для вспышки конструктор выбрал никелированный половник, батарею, поскольку она в трубу целиком не залезала, разобрал и впихнул по частям, схемное решение вспышки вообще не создавал, нашел и вытащил из клубного хлама.

Принцип инженерной мысли заключался в простом: «а лишь бы влезло». В подготовительный период в клубе конструкция работала только на макете и окончательную сборку претерпела уже на острове. На фотографиях тех времен хорошо видно, что крепление вспышки к боксу изготовлено из того же, что и у Дятлова, бурового оборудования и остатков морских рыболовных сетей.

Поскольку окончательная сборка происходила на острове, то паял, или, точнее, допаивал ее Гочка маленьким детским молотковым паяльником, который грел прямо на печке.

Однако конструкция получилась весьма прочной, работоспособной и живучей: уже после возвращения в Томск, с помощью ее был заснят участок подводного перехода нефтепровода. Нефтепровод в Оби треснул, и этот факт был фотодокументирован, вспышка использовалась моннеронского изготовления. Я не удивлюсь, если эта конструкция до сих пор жива и используется в клубе.

Исходя из опыта Моннеронской экспедиции можно таким образом сформулировать закон удачности работы техники. Чем проще ты к ней относишься, тем устойчивей она работает: «Не трожь технику, она не подведет!»

Технические средства, естественно, кроме аппаратов, были представлены компрессором, на который молились, и фото-, кинотехникой, на которой работали, при поломке чинили с помощью веревочной петли и палки, при потере надобности оставляли, но никогда не делали из этой техники фетиша.

Из сказанного можно сделать такой вывод: если для экспедиции нужно создать и эксплуатировать сложный электронномеханический агрегат, то конструирование его в условиях цивилизации необходимо прервать в самом интересном месте, высыпать все детали в рюкзак, желательно на самое дно и без какой-либо упаковки; по прибытии в полевые условия конструирование следует продолжить, если при этом упомянутый рюкзак на пару суток будет забыт под дождем, то это только укрепит позиции – долгая и славная жизнь конструкции обеспечена. Следует заметить, что данный способ был впоследствии применен при создании образцов новой техники страны.

Так, что не просто захотелось Гочке вспышкой попыхать, а к вечеру время пришло.

Поимка червя сорокасантиметровой длины была безусловно событием. Он обнаружился в отблесках вспышки, а заснять его или заспиртовать не успели, наверное потому, что в суматохе и наступившей темноте его кто-то тихонечко съел.

29 июля 1972 года. Стражева.

Хлеба нет, но есть мука. Дежурный – Пит, на утро подал нам гречневую кашу. Полковник назвал ее замазкой для окон (по-моему, совершенно напрасно).

Погода неважная, идет противный, морозящий дождик. Гномик не пашет, на море 3 балла. Настроение бодрое. Гоча с Чадом собрались погружаться. Погружение прошло нормально, если не считать того, что Татьяна на берегу не подогнала для себя ремни аппарата и грузового пояса. Наконец, ушла под воду, но не смогла дойти до дна 0,5 метра, не пустило ухо. Впечатлений хватило на весь день.

После обеда Гоча с Виктором отправились охотиться (вместе с маячниками), набили несколько. Да, утром с маяка прибежал дохтур наук, он третий день пытается уплыть в Невельск и все опаздывает на катер. Он набил несколько камбал, на ужин нажарили рыбы. Он же научил нас печь лепешки.

Пит потянул нас на погружение и отправился на нары отогреться мешочком с солью. Вова Л. Был там же, у него на щеке произрастает огромный фурункул.

Как веревочке не виться, а семь раз отрежь и кончику быть! Особенно если такими ломтями отрезать, последнее замечание уже о хлебе.

Прав был Дятлов, хлеба все равно не хватит! Но уж больно быстро не хватило. В тяжелой жизненной ситуации Пит проявил истинное кулинарное мастерство и был не понят.

Дело в том, что гречневая каша, по всем канонам поварского искусства может готовиться двух консистенций: крупинками и размазня.

Кашу сваренную россыпью, крупинками, можно (и полезно) залить молоком, или подавать в качестве одной из составляющих гарнира к мясным жирным блюдам: жареной утке, вальдшнепам тушеным в сметане и тому подобной дичи, тушенке (говяжьей или свиной) например. Так же подобным образом сваренная каша может быть использована как добавка к бульонам и заправка супам.

Размазня готовится тогда, когда о молоке, масле и прочей дичи речи не идет, этот высококалорийный экологически правильный продукт может поедаться без каких либо добавлений и хлеба в том числе.

Я не устану повторять, что Полковник великий и мужественный человек, но с такой же прямоотой должен заметить в этих строках, что он кулинарный бездарь. Да, бездарь! Конечно, такой кашей можно и окна замазывать в лютую зимнюю стужу, ну просто очень универсальный продукт! И не понимать этого ... !

В этом месте дневника сразу вспоминается, что Чадо было нормальным биологом, единственным на моей памяти профессиональным биологом в экспедиции, со всеми вытекающими отсюда последствиями – каждое ее погружение было еще какое событие и в чем-то даже цирк.

«Гочка с Виктором отправились охотиться и набили несколько» - кого не помню, но очень надеюсь, что не буровиков, охота явно была сухопутная.

А вот знание, которое принес нам доктор наук! Его способ испекания лепешек позволял делать это без масла, яиц, с одной мукой, содой и водой. Несколько дней мы этим методом пытались компенсировать отсутствие хлеба. Однако, как станет ясно несколько позже, спасли нас не лепешки, а близость гидрографического сооружения – маяка!

«Пит потянул нас на погружение и отправился на нары» - на нары переписчика такого, и наподольше! Нос потянул Пит, носовые синусы, не кого-то тянул и не за кончик носа, а внутри гайморитовы пазухи! По научному это называется «баротравма придаточных полостей носа».

Ну, а Вовин фурункул зрел, зрел и зрел, он еще скажет свое слово на страницах этого документа. Это Вовин недуг красной нитью идет по всей экспедиции, вклеился этот фурункул ему ну совсем не вовремя! Единственная происходящая от него польза заключалась в том, что долгими штормовыми вечерами экспедиционики вели научные беседы, пытаясь наиболее правильно обозначить хворь: фурункул, флюс, чирей, нарыв, аденома.

30 июля 1972 года. Стражева.

Сенсация!!! Сегодня ночью Пит совершил беспрецедентный затяжной прыжок, правда, парашют так и не успел раскрыться. Дело было так. Пит спал на верхних нарах и видел сон, как он нырял в воду, тонул и Гоча его спасал. Он так и сделал – нырнул. Только оказался не на дне, а на полу. Он намеревался прыгнуть на печку (она стоит в противоположном углу), но ему помешали костюмы, развешанные посередине сушиться. Через семь секунд после прыжка Виктор зажег фонарь, Гоча уже был рядом с Питом. Он не подавал признаков жизни, потом зашевелился, недоуменно озираясь по сторонам, пытался что-то объяснить, и опять вскарабкался на полку. А ведь сколько раз Гоча пел: «Ночной полет – не время для полета». Кажется, все обошлось, утром Пит даже пытался делать зарядку, вскоре вышел очередной номер «Боевого листка», который можно было назвать «Хроникой пикирующего бомбардировщика».

После завтрака Вова и Валера пошли на маяк договариваться насчет компрессора, нам обещали там забивать аппараты до 70-80 атмосфер. Гоча, я и Дятлов поплыли на шлюпке на маяк за парнями и аппаратами, если они забиты.

После обеда Пит, Дятлов, Гоча поплыли к скалам, кто за добычей, кто фотографировать. Виктор, Валера и я уплыли рыбачить, опять поймала _____ и еще порядком терпугов и ершей. Гоча с Питом набили 5 огромных камбал, получилось целое ведро рыбы.

Вечером пели.

Не будь у Пита такой блестящей подводной выучки – проломил бы он голову о печку!

Изложение событий Кормилицей емко, сочно, образно, но немножко неточно: «И не Сахаров, а Рабинович, и не выиграл, а проиграл, и не в Спортлото, а в проферанс, и не десять тысяч, а пять рублей!»

Конечно Пит может быть и не семи пядей во лбу, но не идиот, на печку не прыгал, ощущая «утонутье» не нырял, а выныривал, фонарь загорелся в момент прыжка, Гоча пытался перехватить его еще в полете, и, упавши, он не то чтоб был недвижим и индифферентен, а наоборот, развил такую речевую активность, каковая

может быть принята за что угодно, но не за отсутствие жизни.

Вагончик-балок был весьма удобен для жизни, но ограничен по объему, если на нижних нарах можно было сидеть, то нары второго этажа находились от потолка на расстоянии чуть больше полуметра, сантиметров восемьдесят. Когда в таком узком пространстве спит пять человек, а за бортом тропическая ночь, то духоты и ночных кошмаров хватает.

И снится чудный сон ему ... !

Проводит Пит подводную разведку на весьма замысловатой акватории: над поверхностью воды, прямо лежит на ней, огромный по площади деревянный помост. И весьма небольшая глубина, чуть больше полуметра, сантиметров восемьдесят, в середине этого помоста квадратное окно два-на-два, куда он и нырнул для проведения исследований в комплекте номер один.

Когда вдохнутый воздух закончился и очень захотелось его выдохнуть, Пит обнаружил, что потерял точку входа. Метнувшись вправо, он тут же наткнулся на крутой берег – стенка! Метнулся влево – нет выхода, оглянулся по всему горизонту (всем вспомнить технику безопасности проведения подледных работ!) и увидел столб света – вот он спасительный выход! «Майна при подледных погружениях выделяется из остальной части акватории большей освещенностью» - столбом света! Вытянув руки впереди себя, над головой, на последних крупинках кислорода уже теряя сознание, Пит выскочил в этот спасительный «столб» (светлый дверной проем) и, обессилев, плавно опустился на дно. Тут бдительный Гочка прыгнул ногами вперед и, стоя на дне, всего-то восемьдесят сантиметров, подхватил гибнущего водолаза и выдернул его на поверхность.

«Все нормально Гочка, все нормально, ты меня уже спас!» - конечно такие слова должны были сразу успокоить начальника экспедиции и разъяснить ситуацию: все живы и в нормальном здравии. Но в глазах у Гочки о последнем были могучие сомнения.

Конечно, когда Пит колотился в правую стенку вагончика, а лежал он крайним, никого это факт не волновал, хотя это был именно тот момент, который мог предотвратить происшествие. Когда же Пит метнулся влево и прогрохотал по ногам личного состава нар второго этажа, состав решил проснуться и, запалив фонарь, выяснить обстоятельства! Поэтому свидетелями прыжка были все обитатели верхних нар.

Такого стройного вытянутого в едином порыве тела, по их собственным признаниям, они не видели никогда.

Пит врезался вытянутыми вперед руками в веревку с гидрокостюмами, и его перевернуло ногами вниз. Не будь у Пита такой блестящей подводной выучки – проломил бы он голову о печку!

После этого хаянэгла Пит перешел спать на крышу вагончика, ощутив сразу несколько преимуществ: звездное небо над головой (при засыпании), постоянный шум прибоя, свежий ветер дальних странствий и великолепная удаленность от критиканов типа Полковника и Гочки, которые по утрам бегали вниз и устыжали его за долгий сон, совершенно позабыв, что ни водолазным делом, в частности, ни высшей нервной деятельностью, вообще, нельзя заниматься не выспавшись.

Помощь буровиков в забивке аппаратов была неоценима, разом решился вопрос, пусть скудного (потаскай-ка аппараты в такую даль), но постоянного воздушного

пайка. Потаскай это не до берега, лодочный мотор сдохнет уже на ближайших страницах дневника и транспортировка аппаратов станет возможной «кривыми путями, путями кривыми».

Хотя удобство акватории настолько располагало к подводным работам, что в «Комплексе Один» плескались практически непрерывно.

«Гоча с Питом набили пять больших камбал». Как вы понимаете набили они их прямо в ведро, поскольку «получилось целое ведро рыбы».

31 июля 1972 года. Записывал Лейцин.

Встали как обычно, позавтракали, и отправились с Гочей на буровую забивать аппараты. На буровой нашли главного механика. Он сообщил, что штуцер сейчас приварят и можно будет забивать. Главный механик, как и я, держался за щеку и стонал (я не стонал, конечно) – у него болели зубы. Гоча обещал прислать ему зубных капель. Штуцер приварили и стали затыкать дыры: воздух травил из всех сочленений и вентилях компрессора. Компрессор на буровой допотопный, одноступенчатый, с приводом от электромотора. Провозились почти до обеда. К обеду успели забить один аппарат до 8 атмосфер. Съездили домой в Ковши, пообедали и в 3 часа отправились обратно. Забили два аппарата до 100 атмосфер. Каждый примерно за 16 минут. Воздух, конечно, грязней, чем у «Гнома», но дышать можно. Во всяком случае, мой «Гном» на ходу, и всегда можно будет его запустить.

В 6 часов были уже в ковше и стали собираться в поход на север острова. Места там красивейшие, но от этого мне было не легче: ныла щека и страшно хотелось поплавать, а Гоча не пускал. Погружения отложили до утра, а сами стали заниматься осмотром местности. Пит, как истинный барахольщик, сразу же бросился собирать различный японский хлам (да извинит он меня за грубое слово). Затем Гоча с Питом наловили нептуний и трепангов. Нептуний сварили и отужинали – уже в темноте, поэтому ели что попало. Правда. Никто не отравился. Спали, кто где хотел: кто в сарае на сене, кто на улице.

Конечно, воздух грязнее, чем у «Гнома», тем более, что очищался через тот же угольный фильтр, который просто сняли с малыша и отнесли на буровую. И если «Гном» воздух через фильтр практически не гнал, так, пыхтел туда-сюда, то буровой компрессор справно делал свое дело. Пых-пых-пых! Аппарат готов! Пых-пых-пых! Оттаскивай! Именно оттаскивай, поскольку далее начинается главная и самая веселая функция оттаскивания аппарата на своем горбу до места погружения.

И вот Лейцин опять демонстрирует пример необыкновенной технической веры и самозабвения. «Допотопный компрессор» буровиков травит, но сверхсовременный «Гном» на ходу! И поэтому есть вера в завтрашний день! А то бы не было!

А когда говорят о нептуниях, то, по моему, имеют ввиду *Modiola Modiolus* – действительно моллюска, живущего на морском дне гигантскими гроздьями – друзами.

Поскольку «спать легли в сарае», в базовый лагерь в ковше в тот день не возвращались. А сарай – это «длясеносная» постройка, север острова, единственное приемлемое место подобных заготовок маячников.

1 августа 1972 года. Лейцин.

Утром встали, позавтракали и отправились на погружение. Точнее, погружались все остальные, кроме Валерки и Чада, а меня и Валерку заставили грести. Сначала плавал Дятлов - 45 минут, затем Татьяна Стражева - 40 мин.

Перед тем, как погрузить Пита, Гоча забросил в воду аппарат, примерно, на 15 метров. Пришлось ему самому одеваться и нырять (ничего не вышло). Хорошо, что вода такая прозрачная - дно просматривалось - и хорошо, что был еще один забитый аппарат. Наконец, аппарат добыли, и Гоча с Питом стали нырять по дну (я тоже хочу!). После погружения обследовали камни Титова (есть и такие у нашего острова).

На полпути домой мотор сдох, и пришлось сесть за весла. Мы гребли, а Гоча дергал за веревку - «заводил мотор», и помогал нам.

В лагере нас ждал сонный дядя Витя и отличная уха. Обед прошел благополучно (странно, что в спешке никто не подавился). После обеда Гоча наладил мотор, полковник наловил трепангов. Толпа занималась своими делами. Ужин прошел на высоте. Чадо приготовила свою фирменную лапшу с томатным соусом - есть можно, но мало. Затем Гоча с толпой привез воды, Полковник чистил трепангов - он завтра дежурный. Валерка с кормилицей напилили дров. Вечером Гоча с дядей Витей устроили генеральную стирку и т.д.

Глубина ныряния у Пита в то время составляла десять метров, на большей глубине он мог только дойти до цели, коснуться ее рукой и начать всплытие. Поэтому когда мимо него в воду швырнули аппарат, а он в тот момент, как и полагается грамотному водолазу, завершал подгонку снаряжения в воде, Пит только глубоко вздохнул, выдохнул и оставил право на его извлечение Гочке. А уж он нырять умеет как никто, но судьба была против - Гочку не пускало ухо, по-моему, правое. Что он только не пытался делать: и нырял ступенькой - нырнет, подвсплывет и опять вниз, и вниз ногами заходил - ничего не получалось. Пришлось набувать на Пита другой аппарат, ну а дальше извлечение утонувшего аппарата смешно пересказывать.

Камни Титова были так обозначены на карте, к вице-президенту они напрямую отношения не имели, просто, наверное, какой-то родственник его дальний тут плавал.

Дно в этом районе живописнейшее. Большое количество рифовых камней, не скал, а именно камней. Поскольку на острове был маяк, об эти камни корабли не разбивались очень давно - никаких острых углов, все зачищено и заглажено морем. В камнях и под камнями микропещерки, глухие и сквозные и гигантское количество Модииолы, друзьями по двадцать, тридцать штук. Естественно Гочка с Питом начали промышленную добычу продукта и завалили моллюском шлюпку просто под планширь.

По прибытии в лагерь модиюлу ошпарили кипятком (она от жары створки открывает что бы попрохладней было), вычистили и на следующий день сварили мидиевый суп, Это такой суп, которым невозможно объестся - сколько его не съешь - все организм принимает как норму, но вот шевелиться такой организм потом долго не может. Так что вот о чем умолчал ниже Габбасов.

Пилит дрова Валерка с Кормилицей и нет ни слова о чувствах. Почему... ?!

2 августа 1972 года. Габбасов.

День выдался довольно туманный и пасмурный, хотя и дождя, собственно, не было.

Наконец Гочу можно поздравить с напаем – накрылся его личный и неприкосновенный для других личностей мотор. То ли лопнул вал, то ли что другое. Короче, пришлось нам пахать до маяка на веслах. Против ветра, да потом тащили, кроме аппаратов, сумку трепангов для буровиков.

Аппараты забили до 100 атмосфер, благополучно возвратились домой.

Будем завтра ждать улучшения погоды и, следовательно, погружаться.

Вот и начались пешие прогулки – у ЛММ лопнул вал, толщиной он в два пальца и какие неземные силы разорвали эту жизненно необходимую нам деталь, выяснить не удалось, хотя о подходе к технически сложным устройствам в экспедиционных условиях уже говорилось: если бы мотор после рабочего дня просто бросали на пирсе, а не укутывали в брезент, если бы о его карбюратор тушили бы окурки, жил бы двигун и нас радовал. А тут долелеяли!

И с напаем следовало поздравлять всех нас:

И тяжелый акваланг наперевес ...

Это теперь наш основной принцип жизни. Акваланг на плечи и вперед на буровую, там легкий роздых пока его забивают, беглое общение с аборигенами и аборигенками, аллюр в обратном направлении – такова ты, жизнь водолаза!

3 августа 1972 года Гочаков.

Шторм, отдохали, у Вовика выросстал благополучно фурункул.

И, как всегда, штормом уволокло посуду. Всякий бывавший в морских скатовских экспедициях знает порядок, что после еды посуду не моют, ее моют перед едой, а на этот временной промежуток посуду опускают в море, да не просто в волны кидают, а с помощью прибрежных камней выгораживают лагунку, куда посуду и сваливают, где она до очередной еды и постоит.

Это гигиенично, удобно, наиболее изощренные мореманы предлагали бросать в эту лагунку морских звезд, что бы они ползая по посуде очищали ее, ну да это полный бред, хотя подобный биологический подход к мытью посуды по сути своей великолепен: никакого загрязнения окружающей среды порошками, гелями и мылом, а сплошное подкармливание той же среды.

Я не помню экспедиции на море, у которой штормом бы посуду не половинило. Помню собственные мысли и ощущения: «Ну я, то! У меня, то! Я такую лагуну построю!» Приходит шторм и все становится на свои места.

Питу удалось в одна тысяча девятьсот семьдесят третьем году в экспедиции в бухту Миносок единожды отстоять посуду, но зато пока он трюхался с посудой, у него унесло мотолодку, недалеко, но искать и искать под водой пришлось, и, опять же, посуду у него в экспедиции таки унесло, правда, в другой шторм.

Унос посуды превратился в какой-то отличительный знак, признак полнокровности экспедиции, что ли. Питух вернувшись из экспедиции тысяча девятьсот семьдесят первого года был необыкновенно горд – у них шторм уволок посуду дважды! После первого раза они еще часть унесенного водолазными работами вернули в строй, но все равно второй штормовой унос был настолько глобален (и об

это Питух говорил всегда с особой гордостью), что фраза «он ел с ладони у меня» было не цитатой песни, а правдой жизни.

4 августа 1972 года. Гочаков.

Штурмит, Пит, Полковник, дядя Витя ходили на маяк, относили мел буровикам, фотографировали. В лагере делались дела, фотовспышка вновь запыхала с новыми батареями, Вовик лелеял свой фурункул. Татьяна Леонидовна дежурила.

Татьяна Леонидовна – это Кормилица, если начальник перешел на такой официоз – что-то произошло, наверное, сильное нечто произошло, поскольку на следующий день она повышена далее: «самая главная хозяйка».

Старые батареи были не так стары, просто вспышка протекла и морская вода сделала свое дело – посадила батареи напрочь. Предусмотрительный Гочка волок с собой запасную батарею, которую и задействовал к радости всего личного состава.

5 августа 1972 года. Гочаков.

Поутру наша самая главная хозяйка устроила стирку всехних полотенцев. Полковник свозил Чадушку на погружения, но в конце концов осерчал на нее и привез домой почти не солоно хлебавши. Оказывается, пояс виноват, скандал с неудачной подводницей.

Полковник затем поснимал животных под водой, проявил заснятый негатив и проявил мои пробные кадры с фотовспышкой.

После этого к нам пожаловали корреспонденты из «Советской России» порасспрашивать о нашем житье.

«Пояс виноват» это в смысле – задница не тонет. А ретроспективная разборка этих сверх демонических строк дневника проясняет следующее.

Дятлов велик и серьезен. Велик он в обоих смыслах и с высоты своего величия он может и не заметить что происходит где-то далеко у ног его.

А у ног его происходило следующее (далее по временным разделениям): Чадушко вползло в гидрокостюм и окуналось в воду – Чадушко и без гидрокостюма плавучесть очень положительную имело, а с ним вообще на поверхности лежит. Приготовили Чадушке пояс грузовой, окунули снова – эффект прежний, добрали грузов – макнули, еще досыпали веса – эффект тот же, ну ни каких, даже самых мелких изменений нет. Уж пояс одному поднять тяжело, а непотопляема девчужка и все тут!

Поскольку пояс грузовой надевать лучше со спины, то его на камне сзади Чады раскладывали, за спиной, а ей в руки концы его подавали: застегивай! Подводница благодарила за заботу и уходила в воду, обнаруживала невозможность погрузиться и возвращалась в то же положение на камень. Пояс забирали и довешивали на него грузов и, поскольку пояс грузовой надевать лучше со спины

Намучились все изрядно, в конечном итоге поволокли Чадушку от места погружения по поверхности прямо в лагерь и, уже в лагере, разоружая водолазку выяснили, что пояса-то на ней и нет. Допрос с пристрастием выяснил, что подруга не считала необходимым брать с собой пояс в воду: давит, тяжелый, да и просто застегнуть трудно – по моему я уже упоминал, что Чадо было единственным профессиональным биологом, которых я видел в экспедициях.

Величие Дятлова не прозвонило ему рассмотреть такую ерунду, как оставленное на берегу оборудование, поскольку «Водолаз обязан ...» – и в этом Полковник прав.

«Пояс виноват ...».

А журналюги просто достали, я нигде не общался с представителями средств массовой информации и научнопопулярного кинематографа больше, чем на этом маленьком, лежащем вдалеке от цивилизации острове.

Стражева.

После обеда отправились на маяк в баню, в лагере остались Виктор и два больных – Вовик и Валера (он с утра пораньше подвернул ногу). Встретили на маяке очень радушно, мы привезли с собой вареных трепангов – решили угостить начальника. Поджарили, но есть их Геннадий так и не решился. Вечером собралась местная молодежь, пришли наши корреспонденты и устроили вечер песни, перепели все песни, Гоча был в ударе, вызвал восторг у корреспондентов.

Вообще начальник Моннеронского маяка личность весьма неординарная: вырасти и жить на море и из всех продуктов признавать только тушенку и брагу собственного приготовления.

Ну местная молодежь – это, как вы понимаете, две девчухи метеорологички, а корреспонденты – это «Советская Россия», сплошные столичные штучки, хотя видно, что Кормилица уже взяла их на подотчет – «наши корреспонденты». И первые и вторые были всеядны, не пропали трепанги.

6 августа 1972 года. Стражева.

Утром все собралось у девчат-метеорологов, очень вкусно порубали, а потом – опять концерт по заявкам. И здесь публику покорила наш «Синий горшочек». Весь день лил нудный дождь, но в 3 часа мы, наконец, набрались мужества и покопотили к своей шлюпке, надо было и честь знать. Сильно промокли, и весь вечер сушились. Витя, Валера, Вова очень соскучились и осерчали на нас за то, что мы им не оставили ни дров, ни воды. Опять в ковш зашел катер и наловили корюшки, мы у них взяли половину тазика и на следующий день были обеспечены рыбой.

«Горшочек» оказывается еще и «синенький»! Интрига нарастает! Не помню!

«Наловили корюшки». Вваливается в ковш как всегда пьяный «Тайфун», хотя катер-то единственный там трезвый был, наверное, поэтому они всегда в порт удачно влетал: сначала не снижая оборотов претя на рифы, перед ними поворот, вроде как оверштаг, бурун за кормой и в том же темпе аналогичный пируэт в ковше, не знаю как у рифов, но в ковше винты отрабатывают в полуметре от затопленного кнехта. Точно, пьяницам счастье!

В этот раз вся команда разом на стенку выскочила и забегала дурным образом, никак корабль тонет! Ан нет, просто за дурнем катером в ковш таким-же дуриком косяк корюшки зашел, вот мореманы и стали сеточкой ковш перегораживать. Естественно, тут в рыбную охоту включились огидрокостюмленные водолазы. Прижали сеточку где надо ко дну, камешки подводные аккуратно обвели, когда этой сеточкой по ковшу бредешили, и помогли выцедить косяк практически без потерь, ну две-три штуки,

максимум пять – убегли.

Косячок попался небольшой: вытащили всего ведер семь, восемь – это морякам; ну а себе, действительно, взяли только половину тазика, но вы бы видели тот тазик!

7 августа 1972 года. Стражева.

Дежурит Валерка. Выдает весь день чудеса кулинарии, у него получаются самые вкусные лепешки.

Дятлов и Гоча плавали, фотографировали, проявили и получилось очень прилично.

Плавал Валерка, опять добыл гребешка (их всего 4 пока и все добыты Валеркой).

Гоча набил камбалы.

Валерка просто добытчик и никакой Гочка с ним сравнится не может, уж чего только начальник не делает, и зигзагом плавает и кабалу без промаха бьет, но нет на него гребешка и все тут. А охотничий азарт – это вам не шутка, до того дошло, что когда на центр ковша сел чаёнок поплавать, не чайка с большим и крепким клювом, которая как стукнет, так ой-ой-йой, а небольшой безобидный чаёнок, Гочка не поленился, надел ласты и маску и даже без гидрокостюма, нырнул метров эдак двадцать-тридцать и этого недоросля из под воды за лапы и словил. Птицу все внимательно рассмотрели, сфотографировались с ней и благополучно отпустили.

Но никак начальник гребешка добыть не может, поэтому Гочка действительно пошел и действительно набил. Камбале. Морду. А пусть не кривится.

8 августа 1972 года. Стражева.

День богат событиями. Очень много погружались, снимали. До обеда плюхались в ковше, Дятлов и Пит заканчивали пленки. Я плавала в грот, живности нет, но очень красивый вход. После обеда поплыли на Красные камни, обошли все островки, Гоча изловил 4 камбалы. Чуть не забыла. День выдался на редкость солнечный, в первой половине дня Пит закончил съемку фильма, Полковник с Гочей сразу же состригли свои чубчики. Перед самым обедом катерок, несколько дней стоявший в ковше, отправлялся в Невельск, отправили Вовика с его фурункулом. Вечером Дятлов проявил, и опять результаты были очень положительными. Вечером Чадушка напоила нас великолепным киселем. За этот день очень много сделали и немного устали, в 11 часов легли спать. Пит – на крыше, Валера в гамаке.

Лейцина направили на Сахалин. Катер стоял в ковше два дня.

Долелеял Вовик свой фурункул, грел, ублажал и в результате фурункулообразующий нарыв приобрел устрашающие размеры. Требовалось вмешательство. Мужественный подводник молвил: «Режь!» Мужественный Гочка ответил: «А, запросто!»

На свет, в буквальном смысле слова, были установлены: ящик для сидения, ящик для предметов резки, ящики для зрителей.

Был извлечен спирт энзешный медицинский, почти нетронутый. Гочка тренировался в выпадах, блокировках, устрашающе вращал финским ножом и мысленно прорабатывал план операции. Гадость находилась прямо под скулой, в месте

крайне неприятном с медицинской точки зрения, посему трепет в рядах зрителей был неподдельный, зрители больше вглядывались в горизонт – если появится транспортное средство, то операция будет перенесена на Сахалин.

Появился катер, и драма не состоялась. Лейцина направили на Сахалин. Катер перед этим стоял в ковше два дня.

9 августа 1972 года. Савченко.

Еще сквозь сон я слышала незнакомые голоса. У нас гости? С корабля забросили кинооператоров «Центрнаучфильм». Они снимают фильм о жизни Моннерона. Оператор все ходил по пирсу и подозрительно поглядывал на ял. Как мы и предполагали, им требуется для съемок лодка. Гоча пошел проявлять пленку у водопада. Пит, как играющий дельфин, плавал перед кинокамерой. Я исходила на лепешках. Погода для отъезда сначала была не очень, но после обеда более-менее развеялось. Как ни говорили дяде Вите, чтобы он собирался! Но он упрям, как актиния. Поехали без него. Нас уже встречал начальник с машиной. Часть шмукток выгрузили на берег, часть на машину. Здесь нас ждала квартира со всеми удобствами. Пока устроились, стемнело. Полковник всю почти ночь пек на метеостанции хлеб. А мы - спать.

Научно-исследовательское судно «Витязь» погнуло винты у Шикотана (тот кто не шибко грамотный, может спросить у участников Тихоокеанской экспедиции – они расскажут что Шикотан, это остров Малой Курильской гряды), погнуло, по-видимому просто по пьяному делу, ну чисто случайно. Тихоокеанская экспедиция «Ската» была не в том году, а наш Гочка старшиной водолазов на «Витязе» стал значительно позже.

«Витязь» отволокли доковаться во Владивосток, а научный состав разбрелся кто куда. Двое фотографов и оператор «Центрнаучфильма» отправились бродить по Сахалину и близ лежащим островам.

Понятно, что повстречав коллегу-кинооператора, Пит возликовал. Фотографов в экспедиции было немеряно, а кинокамеру, почитай один Пит в руках и умел держать. Естественно когда потребовалось грамотное позирование, понимание режиссерских установок этот шмурак оказался на коне. Ну, а что как дельфин, так это потому, что Пит всегда игрив. Помню!

Жилых помещений на маяке немеряно.

Не знаю почему, но избыток жилых помещений - это свойство всех удаленных районов. Так, помнится, во второй Баренцевоморской экспедиции в Дальних Зеленцах для жилья не просто дали дом, а выбирался дом из нескольких и выбранный дом так восхитил отдельных личностей, что когда писали письмо Япономорской экспедиции Питуха, в него были вставлены стихотворно-песенные строки:

Мы живем теперь в дому, чаша полная!

А сортир у нас в дому восемь на десять.

Действительно, просторное было место, хоть танцуй! Но на Моннероне было значительно лучше, романтичнее, я бы сказал. Это не сортир, и даже не галльюн, к той скале больше подходит что-то похожее: «На семи ветрах!» Может быть, количество ветров и подготовили радость по поводу «всех удобств» квартиры.

И опять криминалистика! Хлеб пекли на маяке, а на метеостанции, наоборот, были

две молодые девчушки. Вопрос: Полковник всю ночь пек хлеб или на метеостанции? Хорошо бы попытать его подмастерья – Пита, а то, что Пит в подмастерьях был, это исторический факт, и это вызывает еще более серьезные вопросы о месте и времени.

Конечно понятия «маяк» и «метеостанция» это двадцать метров, даже не по открытому двору, а в крытом коридоре. И хлеб в результате был. Шарада!

10 августа 1972 года. Дятлов.

Становлюсь заправским пекарем. Прошедшую ночь проходил стажировку. Совмещение приятного с полезным – готовится хлеб и смотрится по ТВ Япония. А там – женский кэтч. У-у-у-у-у-у! Что делают бабы! Как кричат! Как колотят друг друга!

Хлеб получился на славу. Зато день был отвратный. С утра – нудный дождь. На море – волнение и никаких условий для работы. Разбрелись по маяку, кто куда. Занялись чтением художественной литературы. Выполняли задание для Виктора (арифметика, литература, история). Дежурный Гоча под чутким руководством Т.Л. приготовил отличный хворост. Публика обжиралась. Ну, а я опять в ночь на выпечку хлебов. Только в этот раз весь цикл провожу самостоятельно.

Полковник в момент жоросозидательного функционирования просто неотразим. В обычные моменты жизни он великолепен, а тут ... ! Нет слов!

Хотя кулинар Дятлов неграмотный (вспомните кашу-замазку Пита), но при выпекании хлеба он священнодействовал: это были и тяжелые ритуальные вздохи, и вздымание рук к небу при замешивании, и невнятное бормотание ключевых слов во время набухания закваски.

Некоторые считают, что «ключевое слово» это слово для определения чего бы то ни было, где бы то ни было, роковое заблуждение – ключевые слова затворяют путь злым духам, и не дают им помешать творческому процессу. Четкое знание и умелое применение вышеупомянутых ключевых слов существенно упрощает жизнь индивидууму.

Вот и Гочка достиг чего-то хорошего, пусть даже только хвороста.

11 августа 1972 года. Гочаков.

Очередной тоскливый денек. Приехали на маяк, чтобы понырять в южных бухтах, а погода нас подвела. Второй день бездельничаем, едим, скушаем, читаем, ходим в гости. С утра дождя не было, пошли с Валерой плавать на острова Восточные, но накат оказался большим, так что не получилось ничего. К обеду пошел дождь, совсем невесело стало. Почти всех мучит изжога, от еды, видимо, соскучились по хлебу, а теперь сразу налетели на него, никак не можем справиться. Пит бежит к начальнику и пьет соду. Остальные терпят. Если завтра не будет погоды, совсем плохо, не удастся посмотреть бухты Тихую и Усова. В любом случае надо возвращаться в ковш, доделывать работу, где нас ждут дядя Витя и Валера.

Итак, ждем у моря погоды.

Погода нас не подвела – она такой быть и собиралась, просто это мы с ней промахнулись. И юг острова место совсем не спокойное, роза ветров на Моннероне имеет ярко выраженную на север направленную составляющую.

12 августа 1972 года. Стражева.

Погода с утра вроде получше, даже немножко проглянуло солнышко. Посмотрели с бережка, накат как будто поменьше, решили поплавать. С Гочей плавали к Восточным островам, живности нисколько не больше, чем у нас в ковше. Набрали с десяток звезд, случайно Гоча наткнулся на хитона. Изловили четырех камбал, трех первых не стали донимать, они оказались очень осторожными. Очень не хватало Валериной пики, жаль, очень быстро сломалась. На берегу Полковник давал дуба, в воду лезть не решился. Подошли Чадо с Любушкой, сразу зафиксировали, что выловили. Пообедали, всей толпой спали 2,5 часа, а Чадушко читала и посмеивалась над нами. Завтра собираемся отбыть домой, будем всю ночь печь хлеб, а еще мы сегодня были в бане. С легким паром и спокойной ночи.

Специфическая на моннеронском маяке баня: на мазутном пару. Поскольку дрова на острове это непозволительная редкость, уголь завозят в мешках, а о газе на Дальнем Востоке тогда и не слышали, баня топилась отработанным маслом. Электричество для маяка обеспечивали дизельгенераторы, работали они каждую ночь, и соляра и масла дизельного было досыта.

Масло впрыскивалось в топку с помощью стандартного, но очень большого масляного шприца и поскольку это занятие было необыкновенно увлекательно, баню раскочегарили до кипения. Так что пар был и немалый.

13 августа 1972 г. Маяк, Моннерон. Правдин.

Утром Гочка с Кормилицей пошли на осмотр побережья. Уже не чаяли увидеть их живыми. Они явились. Море шумит, штормит, бушует и качает. Накат 1,5 – 2 метра.

Ветер 34 м/сек. Домой отправиться нет никакой возможности, решили отправиться на местную свалку, мыс Усова. Пока я перезаряжался, эти жлобы иссохли от нетерпения и в конечном итоге ринулись на горочку, где клялись-божились ждать меня. Перезарядился и поскакал им вослед. Дорога летит под ноги, пыль льется столбом - дурак заметит! Иду, песни пою (ветер воет). Вышел на хребет Ожидания. Смотрю направо – никого, налево – никого, вверх – никого, вниз, тоже никого (внизу земля). Подумал – решил, пошел (вверх, сверху виднее!). Пилил, пилил, забрался под самые, что ни на есть, облака. Разгреб руками дымку, смотрю – картина прежняя (смотри выше).

Издав крик (унесло ветром). Издав второй крик (унесло ветром). Смачно плюнул (унесло ветром). И пошел на штурм гор и долин, покрикивая и попискивая. Ходил я там, где черт не пройдет и умный не просочится. Перепахал уже все горы в окрестностях, язык уже на просушку просится, а орлов нигде не видать. Добрался я, таким образом, до пресловутого пичка, усталый и недовольный жлобами. Через 5 – 10 минут появляются они – по пояс мокрые и злые на меня. Где они так вымокли и за что так обозлились, непонятно (я имею на последнее точно такое же право). Побазарили, пожрали и под достаточно сильным дождем пошли домой.

Мокрые и довольные (непонятно чем), добрались до самого дома. Последние 500 – 800 метров, едва полз под насмешками Гочи. Вконец отрубилась правая нога. Болит от пяток до лодыжки, даже правую руку несколько парализует.

Опять начали печь хлеб. Через 30 мин. кончатся сутки. Но ничего, это же не конец света.

«Местная свалка» это не сборище отбросов, а место на острове куда из Японии море приносит и выбрасывает на побережье различные очень ценные вещи: пластмассовые бутылки, национальную японскую обувь, бутылки стеклянные флягообразные и квадратные. Выбрасывает, конечно, по всему побережью острова, но в районе мыса Усова – наиболее интенсивно.

Сколько жил и бывал на морях нашей необъятной многонациональной Родины никогда не переставал удивляться, что море переносит на огромные расстояния и предметы, которые уверенно тонут в воде. Каким святым духом их держит и несет – ума не приложу.

... Вот, что удивительно! Не видел я тогда в Пите никакого намека на боль и надвигающийся паралич, да и сам фрагмент дневника начертан весьма остроумно и жизнеутверждающе. Мужество достойное самурая!

Высота наката и скорость метра с такой точность – это не рисовка, обращаю ваше внимание, дело происходит на маяке, где расположена и метеостанция. Так что этот фрагмент дневника дает нам наукоемкое и точное описание состояния акватории в то время. Сообразительность, достойная жителей востока.

Кончатся сутки, но жизнь продолжается – философия, достойная мудреца.

14 августа 1972 года. Савченко.

Хотели выехать в ковш часов в 7, но провозились до полудня. Сначала проспали, затем ждали, когда нам забьют акваланги на буровой, а Полковник, Кормилица и я, налегая мощью на лодку, пытались держать ее на киле. Промокнув до ушей, загрузили лодку шмутками. Пит и Полковник, пренебрегая веслами, натянули парус из старого одеяла, причем, по краям его держали они же. Но в конце концов, умело маневрируя, мы добрались до пирамидального острова. Татьяна ринулась в пену волн и начала собирать морскую капусту (впоследствии ее выбросили). Ветер стих, и пришлось дальше идти на веслах. Еще издали мы заметили толпу возле нашего домика. Гости? Так и есть. Из Харькова прибыли пять аквалангистов. Они добиралась до острова почти месяц (упорные!). Погода немного улучшилась. И наши парни начали заниматься кино съемкой. Татьяна плавала. Усиленно начали сбор ежей. Завтра может прийти катер. Не дай Бог! Вечером немного поели, и спать. Завтра едем на акул.

Чадо может ездить на чем угодно и с чего угодно, а по морю ходят, подруга, ходят и только ходят. «Выехали в ковш!»! «Едут» на акул!

И не старым одеялом пользовался Полковник с Питом, а Питовской боевой, покрытой трудно смываемой славой штормовкой. Ветерок был не сказать чтобы сильный, но очень ровный и тугой. Гочка сидел на веслах с кем-то из женского состава и когда все заметили, что лодка делает рывок вперед не тогда, когда происходит гребок, а на замахе весел, Пит с Дятловым и подсуетились. Сообразительный Дятлов освободил Пита от штормовки, а самого его использовал потом навроде бизань-мачты себе оставив грот-роль.

Не менее сообразительный Гочка тут же перебрался на корму и стал кормить

и отдавать команды. На таком ходу шлюпка руля слушалась хорошо, личный состав команды игнорировал.

Ежей начали собирать в самом конце экспедиции умышленно, как Чадо не старалась, но передавить их всех все равно не могла, посему решили, что в море они целее будут. А домой их повезем свежесорванными.

15 августа 1972 года. Дятлов.

Сегодня должен прийти катер. И, как назло, стоит прекрасная погода. С утра солнце светит и на небе ни одного облачка. Отправились с Гочей на съемки. Снарядили Чаду для позирования, а сами увивались вокруг. Проявление показало, что кадры получились неплохие – Гоча зачем-то открыл под водой бокс. Непонятно, что он хотел там посмотреть! Естественно, пленку пришлось выкинуть, а остальное протирать. Благо, что только собирались снимать.

К обеду погода испортилась. Понатынуло тучек. Солнышко стало прятаться. Так что после обеда нам было несподручно снимать. Пит выловил в ковше красавца осьминога. От конца щупалец до конца мешка около 1.5 м, и они с Гочей кинулись в ковш развлекаться с ним. Гоча пыхал своей вспышкой, а что делал Пит – непонятно. В итоге этих развлечений осьминог сдох. Пришлось его распластать и уложить в ведро для варки.

Закончили день поздним ужином.

Подробности схватки с красавцем осьминогом изложены в комментариях следующего дня. Меня просто бросает в дрожь, а недостатком мужества вроде бы не страдаю, когда я представляю те чудовищные искажения фактов, которые произошли в древних летописях и исторических документах. Как писана наша история?! Что есть истина?!

Увы, но в дневнике нас ждет очередной передерг событий. Для сохранения хоть какой-то хронологии передернем их и в комментариях.

Итак, все ожидают катера, такая была договоренность, середина августа. Грусть и легкая печаль!

Зачем Гоча под водой открывал бокс, осталось загадкой навсегда. Только Чадо твердо была уверена, что это определенный ритуал: нырнул, открыл бокс, помучился.

Гоча не просто пыхал вспышкой, он производил процесс фотографирования, а Пит позировал! Когда в руки попал такой великолепный экземпляр фауны Тихоокеанских морей два художественно настроенных человека забыли про усталость и боль (пояснение причин боли также на следующий день) и отдались творчеству. Эти два фото-, кинохудожника, обрядившись в комплекты первый номер, перемещались по ковшу и, пристроив головоногого в очередном живописном месте, производили его фотосъемку. Временами для большей выразительности в кадр помещался Пит, а может быть временами помещался головоногий.

Таким образом, была создана та уникальная галерея фоторабот, которая впоследствии была опубликована в книгах, я уж не говорю о Скатовских фотоальбомах.

Пока эти два духа занимались творчеством, по стенке пирса расхаживал Дятлов и мечтательно облизывался, по поводу того, что осьминог – деликатес у народов

Востока знает каждый ребенок, а деликатес он и на Моннероне деликатес. Замечу, что в семидесятые года прошлого века свежемороженые кальмары, родственники осьминога, вроде дяди, в продаже встречались не часто и не везде.

Как только моллюск, действительно замученный до смерти, попал в руки Полковнику, то тут же начал колотить его щупальцами о причальную стенку – он слышал, что осьминога нужно бить палкой, чтобы он стал мягче. Что его отбивают уже варенного Полковник недослышал, усталый Пит не принял участие в подготовке и варке осьминога, в результате чего он был переварен (естественно, кинули сразу всего в кипящее ведро и варили вместо трех минут верных пол часа), стал жестким но был съеден весь без остатка.

16.08.72. Стражева.

Ждем катера, но времени зря не теряем. Валера принес 46 звезд, Чадо схватилась за голову и заполонила ими весь пирс. Чадушка весь день обрабатывает звезд, я плавала, наблюдала как ведут себя патирии, нептунии, актинии вблизи кусочков рыбы. Гоча плавал 6 часов, снимал животинку, Пит был занят с утра очень важным делом, брился с помощью огня. Теперь никто не скажет такой побаски, что у него рыльце в пушку, он весь его выжег, заодно поджарил руки и ноги. Не разжигайте печку бензином! Вечером Пита протирали спиртом, дятлов с Алешей ходили вокруг и нюхали пробки. Мы с Татьяной решили всю ночь сушить звезд, до 3-х часов она, после 3-х - я.

... Эх Кормилица, Кормилица! Или ты или Полковник фрайера дешевые, конечно если ты, Кормилица, то не фрайер, а фрайеруша или еще как-нибудь покрасивше, а ежели Полковник, то «жалкий и ничтожный» (Полковнику это не обидно, поскольку облик его – прямая противоположность, и понятно, что все это для красоты слога, вот ежели так о Гочке или Лейцине – то наоборот). Да как мог Пит бриться с помощью огня на следующий день после поимки осьминога! Поступка, безусловно, мужественного, но для такого водолаза и моремана как он, не то что бы обыденного, но не бог весть что!

Излагаю истинную хронологию событий в единственно правильном варианте с прямой речью Пита и своими эмоциональными добавлениями. Дату восстановить не удалось, но то, что Пит был дежурный – это точно. А когда он дежурит, все чики-брык – полная чистота и революционный порядок: волнение моря, скорость ветра зафиксированны, личный состав пересчитан, обед на мази, пост сдан и вновь принят, рапорт отдан и отобран взад.

Точно в ... это когда уже к вечеру ближе ... личный состав, не занятый в работах в базовом лагере, возвращался с погружения. Заслышав вдали плеск весел (в те времена Пит Правдин отличался слухом Чингачгука и Венне-Ту одновременно, глухота поразила его только в старости), дежурный, естественно, озабочился разогреванием ужина и пошел к печке. Жили мы на Моннероне в двух балках – вагончиках: в одном спальня, а в другом кухня. Далее сцены огненного бритья привожу в прямой цитате Питовой речи тех времен, почему эту прямую речь тогда Полковник (эпитеты смотри выше) не вставил в дневник не знаю. Известно всякому, что, если по-справедливости, то Пит должен народу приплачивать за то что его слушают. А поскольку треплется он непрерывно, то ходить ему без штанов.

«... Ну почему я такой умный! Почему хотя бы малая часть моей сообразительности не досталась кому-нибудь другому?»

... Наварил для личного состава каши до полуготовности, в печь дрова сподобил, белый фартук не надел, только плавки синие, но косынка на месте – будьте спокойны. Все готово? жду личный состав, надо то, всего лишь печку подпалить и, пока народ собирается – жор и готов, допреет! Умен – право слово!

Чу! Весла плещут, пора в топках огонь палить и с рапортом о готовности всего к начальнику идти. Плесканул я в буржучку нашу бензинчика низкоактанового, такой бензин не специально выбирался для растопки, просто другого не было – дело то на острове происходило, а не в суете городов. Хотел спичку зажечь, да тут голос Гочакова «Принять, мол, швартовы!», а начальника приказ это не баран чихнул, растопку побоку, пулей на пирс, швартую ял, принимаю подводное оборудование, ободряю личный состав теплым словом и возвращаюсь на кухню.

Вот тут и добил меня умище! Мыслю так, что от бензина в буржучке ничего не осталось, чего тянуть резину от ласт, добавлю-ка туда еще немножко! И плеснул еще стаканчик. Тут должен разъяснить не таким умным – если плеснуть бензин и зажечь, то он просто загорится, а ежели дать ему испариться и смешаться с кислородом воздуха, то произойдет не возгорание, а взрыв, вспышка. А ежели плеснуть, дать смешаться, потом еще раз плеснуть, то сначала рванет, а потом очень резво гореть будет. Это я теперь точно знаю.

Рвануло и полыхнуло достойно, нестыдно вспомнить! Дверку из рук выбило и из зева печи гудящий огненный факел и я в нем как огненная саламандра. Из одежды плавки, очки и косынка, отлетел назад. Но подлая судьба! Дверь на метр в стороне! Ворочался в этом факеле, пока весь не опалился, выпал из домика и с молитвой в море, поскольку морская вода, по крайней мере, дальневосточных морей – самое лучшее лекарство от всего, а от ожогов точно. Выскочил оттуда пулей, поскольку дерет и щиплет – сил нет! Добыл из аптечки стрептоцетовую мазь и покрываю ей весь организм. Кто-то из харьковчан спрашивает, чего это ты, на себя такое накладываешь? Мазь, говорю, после бритья ...!»

И этим была заложена основа для поступка если не героического, то мужественного безусловно.

Опаленный Пит к подводной работе стал временно не готов и лишился своего привычного водолазного труда, без которого он жить не может. А куда его на погружения, если, не то что на плечи ему ничего не наденешь, – в гидрокостюм с утра влесть не мог?!

Ну, да это с утра! И морской водой с воплем обливался и разные одежды пробовал, но после всех погружений, ближе к вечеру, когда все оборудование было свободно, стал он в гидрокостюм вползать. Жалкое, доложу я вам зрелище: Пит, влетающий в «Садко-1» за пять с половиной минут, вползал в него с полчаса. Дико завывая, набул ласты, маску и упал в ковш (ковш как морское сооружение – порт, это для сухопутных). Именно так: «Садко», маска, ласты, шноркель – ничего более. Далее опять в рассказе Пита.

«Опален, конечно, добротню, Кормилица сказала: «А какие у тебя красивые ресницы были!» И вздохнула. Не знаю, сам не замечал, а вздыхает Кормилица так, будто у меня печать неземная на лице. Ну да пусть их, мне к подводному делу возвращаться надо, а тут главное не расслабляться. Думаю, если втиснусь в гидрокостюм, буду

жить подводной жизнью, а нет - так хакари на пирсе. Полез. Больно, медленно, но продвигается. Впал в костюм, ласты надел, что колодки, маску, шноркель и вперед восстанавливать функции организма.

Сполз в воду и легким плюхом кружок по ковшу. К концу круга чувствую силы есть, все нормально, завтра в строй буду. Кто знал, что в строй не завтра, а немедленно!

Повернулся к пирсу у базы и сердце зашло – прямо к базе изящно как балерина на сцене, на щупальцах, как на пуантах, движется спрутик немалых размеров. Необыкновенно интересно: спрут смотрел на меня и, перебирая щупальцами, двигался даже не спиной, а спиной и немного вбок. И размера головоногий весьма немалого и цвета серо-зеленого и дрожь у меня во всех членах от азарту охотничьего, а ножа-то и нету.

Вспомнились тут мне слова отца моего, что осьминога нужно кусать между глаз – там у него нервный узел. Родитель всегда мечтал найти спрута в момент беседы с адмиралом, спрут утаскивает адмирала, родитель ныряет и кусает спрута между глаз, адмирал спасен и все оттуда вытекающее.

Итак кусать между глаз! Однако уж больно серьезная на вид особь и камней много крупных, зацепит и удержит! Ну очень серьезный экземпляр!

Не сводя со спрута глаз, эдакая взглядовая дуэль, подплываю к пирсу базы высываюсь и ... вижу только харьковчанина и одновременно не помню его имени, и, вообще, только одно имя на уме, ору: «Чадо, нож!» «Что камбала очень большая?!» - вот в этом вся Чадо девяносто шестой пробы! Шустрый Гочка, как из под земли, с ножом выскочил, ну этот, думаю, этот меня и из-под воды любого достанет! Этот страховать умеет:

Ну а если станет туго, мы надеемся на друга,
Водолаз он на страховке молодец!
Вывет он тебя из моря и не даст случиться горю,
Стоит только трижды дернуть за конец.

«Гочка страхуй!» - и бросился на головоногого!»

Что там было под водой, только Питу известно, но сверху схватка смотрелась, как в кино. Брызги, пена, просто вскипающая вода, чернильное облако Ударил он его ножом, видать, между глаз, схватил, от дна оторвал, ну а когда осьминог опоры не имеет, то не каждый конечно, но уж Пит, его точно победит.

Однако после кино и победы начался цирк. Осьминог такого размера, пусть и смертельно раненый, вцепившись только частью своих щупальцев за стенку пирса способен противостоять любой скатовской экспедиции, даже усиленной харьковчанами.

Пытались его достать из воды очень долго, но потом Пит на чистой воде собрал на себя всего осьминога, подплыл спиной к пирсу, а тут из воды достали не осьминога, а Питу и головоногого вместе с ним.

Из сказанного может создаться неверное представление, что головоногий был много больше человека. Нет! Посмотрите книгу «О сильных, дерзких, смелых» в разделе дерзких и смелых приведены фотографии, снятые после того подводного боя: Пит и головоногий «размером с», но никак не «много больше!»

Кстати, о книгах, в книге «Область на островах» приведены фотографии скатовской экспедиции, сделанные теми операторами «Научфильма» и корреспондентами которые прибывали в различные числа на острове (не остров, а проходной двор какой-то). Там Гочка и компания уходят от маяка, нагруженные продуктами, Гочка снят со спины, но все хорошо читается, там Стражева с Валеркой мечтательно смотрят вдаль со скалы, мечтательно лиричный взгляд Кормилицы не спутать ни с чем, хотя они тоже сняты со спины, там Пит в «Садко» прыгает в воду залива, образно говоря спиной, а два мужественных водолаза находятся рядом вроде как боком и спиной одновременно.

17.08.72 Стражева.

Звезды почти высохли. Валера погрузился с аппаратом, Пит его страховал, очень доволен Валерой. Пит порезал руку и долго пытал меня, будет ли он жить. Я затруднялась сказать что-либо определенное. Валера показал нам, где он брал гребешка, после обеда Виктор (харьковчанин), Гоча и я поплыли добывать его, родимого. Долго кружились, никак не могли найти злачное место. Видели пятерых акул, две большие. Гоча занырнул за гребешком, две из них отделились и метра 1,5 шли за ним, мы с Виктором приготовились ринуться спасти нашего друга, но они сами отстали. В конце концов набрали звезд и гребешков. На ужин имели жаренную гребешатину.

Опять все напряженно до предела и все на грани! Пит с настолько серьезно порезанной рукой, что даже Кормилица, медик наш доморощенный, не уверена в исходе. Гоча среди акул и две из них «большие»

Негритянское счастье, оно существует, Валерка – водолаз молодой, юнга можно сказать, собственно в экспедиции начальную водолазную школу проходил, но как встанет ногой на дно – так гребешок, нырнет – опять же он. «Махнет рукавом, лебедь белая, а ногой махнет, переулочек!» Не каждому такое дано, вроде как, от бога. Хотя, может быть, и каждому, но по-разному, вот Чадо как сядет, так непременно еж морской, то же свойство определенное или качество.

А Гочаков он, что ни говори, в нырянии тогда всех кидал как младенцев и по глубине и по задержке дыхания, пока он один раз нырял, Пит исхитрялся два раза успеть. А нет Гочке удачи! Не прет гребешок, хоть ты дерись, что кажется он и сделал, хотя не знаю не видел, в смысле чтоб дрался. Видел только как он потом Валерку по пирсу водил и тайные места его гребешинной охоты выводывал, а Валерка уж больно охотно рассказывал. Вот только или Валерка вопрос перепутал и не гребешинное, а акулье, место показал, или судьба такая, но приплыли на место: внизу гребешок один (в скобках один) и акул штук семь ходит.

Два гребешка (один на дне, один в скобках) и семь хищниц! О том, что в Японском море акулы сельдянки и на человека не кидаются, это сидя в кресле размышлять можно, книжки умные листая, а когда кругом морская вода и акулы внизу, не на экране, то ты им совсем безразличен. «Не скажи никому такую побаску!» - как говаривал в экспедиции тот же Валерка.

Хищницы бродят у самого дна, а глубина метров десять-двенадцать. Гочке на опасность глубоко плевать, бросается он вниз в стремительном пике, но когда две рыбки полутораметровенькие в воде, метровенькие на суше, к нему повернули

подумал он о судьбе экспедиции, о товарищах своих. Оглянулся, а Кормилицу с Виктором сильным приливным течением к берегу сносит и, можно сказать к нему уже прибило. Не стал начальник риску подвергать экспедицию, плюнул, фигурально и стал так же прибиваться к берегу. Вот тут счастье ему и улыбнулось: увидел он другое гребешинное место, и добыл он гребешка весьма достойное количество.

Стали мы после этого жить счастливо, поскольку, когда шеф счастлив, радость личного состава просто безмерна!

18.08.72 г. Гочаков.

Поутру было солнышко, и появилась надежда, что оно будет светить довольно долго. Но надежды обманулись, к завтраку тучи заполнили небо.

Валера пошел рыбачить в лунку, и дело у него пошло здорово. В результате его удочка зацепилась, но он до этого момента успел наловить около ведра ершей.

На Пита нашло огромное вдохновение, и он за последние 2-3 дня отснял около ? всех лент, отснятых в экспедиции, посмотрим, во что это выльется.

В отличие от Пита, Полковник впал в спячку, спит почти целыми днями, а если не спит, то задумчиво прогуливается по бережку.

Татьяны заняты в основном сушкой звезд, которые внезапно появились в окрестных водах, уже третью ночь дежурят около печи, топят ее. В прошлую ночь Чадушку одурманили пары формалина, и ее пришлось переправить на палаты, отдохнуть после тяжелой ночи.

После обеда Татьяна и Валера пошли плавать, добывать животину, проплавали до вечера. Камбала покинула окрестности нашего полуострова, не смог найти больше двух, а обошел все старые места, где раньше было много камбал.

Вечером все харьковчане покинули наше становище, ушли на маяк, мы остались одни. Почти все легли рано спать.

И так каждый день: поутру солнышко и надежда, потом тучи и все способствующее упаданию духа, но это для обычных людей, а не для доблестных скатов. Доблестные водолазы не взирают на капризы погоды и не капризничают сами, они только крепче сжимают зубы, что и нужно для правильного ныряния – крепко сжимать загубник..

Камбала не покинула остров, а, скорее всего, перешла на другую его сторону, вариант, что мы за месяц полевой жизни выбили всю камбалу в районе острова, конечно, может быть принят, но с известными оговорками.

Не наносили мы такого вреда экологии. С другой стороны, если дневник почитать, то ели немало, и еда всегда была на первом месте.

А Полковник не в спячку впал, а в философию. Это различать надо.

19.08.72. Правдин

Центральная торговая база посылторга. г. Москва Е 126 Авиамоторная, 50 111126 03-220 «Мир 1» 45.00.

Самое достопримечательное событие дня - это поход за продуктами. Туда я пошел один. Летел, как на крыльях, сам не знаю, зачем. Примчался, а начальник пьяно спит. Добудиться до него не удалось, так что прождал 5 часов, когда они соизволят встать. Набрал продукт, а тут подошли Лешка со Светой, и пошли мы потихоньку,

проклиная острые углы своих рюкзаков.

Всю дорогу я ругался, причем достаточно грязно. Все банки тушенки сбились в один угол и начали изготавливать из моего правого бока отбивную. Когда поднялись на тропу, это стало просто каторгой. Я проклинал всех богов на свете и высматривал обрыв покрупнее, чтобы выбросить этот рюкзак. Но образ голодных жлобов, которые лежат на полатях и не могут шевельнуться от голода, и только два слова - «Сгущенка» и «Тушенка» - звучат под потолком с интонацией умирающего от жажды.

Вдруг по берегу пробежал луч прожектора. Пришел какой то катер. Пошли быстрее. Катер оказался «Тайфуном».

«База посылторга» – это Пит у харьковчан адрес узнал и в самое надежное место записал – в дневник.

Но вот он, хоть неясный еще, призрак надвигающегося голода! Продукты становятся гарантом выживания экспедиции. На память приходят видения: нетвердо передвигающийся Полковник, старающийся держаться для устойчивости за предметы и жадно приносивающийся к сохнувшим морским звездам, Чадо распластавшаяся на биологических образцах и своим телом защищающая их от поедания: «Лучше съешьте меня!» - как бы говорит ее поза, но ею питаться никто не желает.

И непрерывное вглядывание в морскую даль: высматривание на горизонте паруса или дымка приближающегося корабля. Не просто корабля, доблесть экспедиционников не позволяет бежать на первом попавшемся бриге, экспедиция может покинуть остров только на изначально обозначенном плавсредстве, просто чувство собственного достоинства не позволяет покинуть остров на катере вечно пьяных разгильдяев под грозным именем «Тайфун».

А луч прожектора принадлежал не «Тайфуну», вблизи острова дрейфовал сторожевик пограничников. Они, по всей видимости, давно заметили мелкие группки сильно нагруженных людей передвигающихся от ковша к маяку и обратно, и, естественно, заподозрили, что контрабандисты нащупали в этом месте окно на границе и тропят свою подлую контрабандистскую тропу.

Частенько они нам прожектором дорогу «подсвечивали», светят и непонятно, то ли идти в вечерних сумерках помогают, то ли прицеливаются.

20.08.72. Правдин.

Наконец за нами пришли. Все получилось просто и красиво. В створе с камнями Саино появился катер, который быстро был опознан. Это был ГПБ-169. При подходе его к ковшу он был встречен залпом ракетно-сигнальных установок. Весело отшвартовался у восточного пирса, и завязался «встречальный» разговор. Дали нам на сборы час. И началось великое переселение. Хламу у нас стало в два раза больше, часа за два-три все-таки погрузились. Пошли на спуск флага. Флаг вниз, три ракеты вверх, мы в воду и поплыли к кораблю.

Когда подошли к Изо и встали на якорь (нужно было забрать одного жлоба оттуда), вспомнили то, что родительница с капитаном прислала чемоданчик жора. Открыли. Толпа завопила, как три пьяных бегемота разом. С рейда тотчас снялся сторожевик и ушел на другую сторону острова. Потом была долгая дорога. Шли, шли, шли и шли. В Лаперузе болтануло, наши дамы полегли. Чады вообще хватило только

на то, чтобы критически осмотреть горизонт и тут же принять горизонтальное положение.

В Корсаков притопали уже 21 числа в 00.30 часов.

Красиво!

Итак экспедиция была в «поле» ровно месяц: двадцать первого июля мы отошли от причальной стенки Корсаковского порта и двадцать первого августа пришли обратно.

Во-первых, экспедиция с острова уплыла. Да сэры и леди! Не ушла, а именно уплыла, а сделано это было специально для того, чтобы сбивать всех с панталыку при воспоминаниях: «... когда мы уплыли с острова!» «Не уплыли, а ушли!» «Нет, сэры! Уплыли!». Читаем дневник: «Флаг вниз, три ракеты вверх, мы в воду ...» - надеюсь уже стало понятно, когда мы загрузили весь скарб на катер, там же разделись, вернулись в лагерь, исполнили прощальный салют и прыгнули в воду, таким образом сами мы поднялись на борт не с пирса, острова Моннерон, а из вод Японского моря, и с острова мы уплыли, поскольку человек в воде плывет, каждый своим ходом на катер и только потом на катере, уже все вместе, пошли на Сахалин, в Корсаков. Дьявольская задумка Пита.

Интересным следствием такого покидания острова был напай у харьковчан. Самый мосластый харьковчанин забыл на острове свою единственную обувь, кеды сорок шестого размера. Поскольку такой обуви ни у кого не было, в продаже на Сахалине она также отсутствовала – в последствии и на материк он отбыл босиком.

Во-вторых, экспедиция заматерела – моряк вразвалочку сошел на берег ... – тут была обратная ситуация с берега на корабль, но ...! Никто уже не рыскал по кораблю, угрожая его целостности и мореходности, никто не всматривался в морские просторы и не повисал на такелаже, более того, искупавшись с борта катера, пока он стоял в Изо с началом похода, личный состав стремительно пропал, только был здесь, а уже нет его.

Гочка, Кормилица, Чадо и Виктор спали по углам и шлюпкам, Валерка Дворецкий заполз в ходовой рубке под тумбу локатора, самое теплое место, и кемарил там, только Дятлов с Питом, сделав серьезные лица, контролировали прокладку, определялись по этому же локатору и бегали с докладом к капитану.

Заскочили, буквально на полчаса, на Крыльон, забрали там пару маячников, и взяли курс на Корсаков.

Процедура возвращения, в отличие от процедуры выдвижения на остров, проходила во вторую половину суток, и, когда подходили к Корсаковскому порту, тьма была, хоть глаз выколи! Порт вдали слабо светил огнями, а где-то на самом верху кто-то настойчивый долбил прожектором букву «а». Монотонно, монотонно: точка, тире, ..., точка, тире, ..., точка, тире, «а», «а», «а», «а»

«Кто там морзе балуется?!» - небрежно спросил Дятлов у капитана .

«Да, это Корсаковский сигнальный пост у нас спрашивает, кто идет! А у нас радиста сегодня нет ему ответить, и по ВЧ они на связь выйти не догадаются ...»

«Ну и что они могут нам сделать?!»

«Да, собственно, ничего, только пулемет у них наверху спаренный и крупнокалиберный одновременно!»

«...!»

«Разрешите ответить ему морзе, товарищ капитан!» – Пит был смел и решителен.

«А ты, что, Петька, морзе знаешь?»

«В этих пределах, да!» - и Пит весело и непрерывно застучал створками прожектора. Тотчас оперативный пост с руганью отозвался по ВЧ, идентификация была осуществлена, мир на земле, на тот момент, сохранен.

«В этих пределах» - было знание буквы «б».

Но Пит, как был шмураком, так шмураком и помрет. Упустить такое количество ему известных подробностей, которые превратили бы последние строки «В Корсаков притопали уже 21 числа в 00.30 часов» просто в нерукотворное полотно!

В сей поздний час на руках никто не собирался тащить весь экспедиционный скарб. Быстренько покидали его в трюм катера, забрали спальники и, подобно цыганам-кочевникам, отправились пешком к Питову дому.

Ночь. Суббота. Праздничное гуляние. И вот ...

Дело в том, что все свое скатовское существование Пит, по его откровенным признаниям, мечтал привести экспедицию в Корсаков и пройтись всей толпой по Бродвею (в Корсакове это улица Советская). И вот сие желание сбылось.

... Ночь. Суббота. Праздное гуляние публики. И среди этой достаточно разряженной публики движется достаточно дикая группа не до конца цивилизованного народа. Толпа нецивилизованного народа (для еще не понявших – экспидеционники) была достаточно большая, поэтому двигалась в потоке гуляющих мелкими группами. Неожиданно одиноко идущему Питу дорогу преградили пятеро молодых крепких парней и задали неординарный вопрос: «Что, Правдин, вернулся?». (Это в сухопутных городах просят закурить – в нормальном портовом городе вопрос для «завязки» задается поинтеллектуальней!) Ситуация явно была критическая, поскольку этот деятель (имеется в виду Пит) в родном портовом городе тихим нравом не славился. Грозная атмосфера сгущалась и сгущалась. Гочка потом вспоминал, что в голове его в тот момент крутились строчки:

... И в воздухе сверкнули два ножа
Пираты тут же Гарри в нем узнали

Тем более, что Пит - бабник страшный, нраву тоже бешеного, а на Моннероне окреп и одичал и запросто мог двух-трех этих парней перед гибелью с собой прихватить.

Ситуацию мгновенно разрядил харьковчанин, тот самый, забывший свои кеды на Моннероне. Вразвалку подойдя к беседующим, как бы между прочим, лениво вычищая грязь между пальцами ног, он спросил: «Что, Пит, какие-то проблемы?».

Да, уважаемые господа – это кино! ...

21.08.72 Корсаков. Советская, 31, кв. 2. Правдин.

Первый день на Сахалине после Моннерона. Встали, пожевали, пошли в части пробивать машину для того, чтобы разгрузить с катера шмутки. Сергея Петровича не оказалось в наличии, поэтому провозились с доставкой шмуток до обеда.

Вечером начали справлять день рождения. (Родилась Стражева). За полчаса

приготовили тьму жора и пошли петь песни в сквер (так как моя маленькая племянница спала).

Пели песни, пили пиво и делали мне рекламу (как выяснилось, делали ее весьма неплохо). Уже есть сообщения местных читателей, что кричали громко.

По прибытии выяснилось, что квартира уже начала заполняться и без нас, до прибытия экспедиции, приехала и расселилась на огромных площадях племянница Пита со своей матерью. Очень маленькая, но на редкость въедливая Фря сразу уменьшила полезную площадь проживания для так же увеличившегося в числе дикого люда.

Поскольку подводники – гуманисты по натуре, а Скатовские подводники вообще самые гуманные в мире, то жили, в основном, на улице, а в доме готовили харч и там же его уничтожали. А спать ложились вповалку в самой большой комнате, Пит же, на правах хозяина, выбрал себе место в прихожей под вешалкой, там уютнее.

А Корсаков – город самого вкусного пива. А известно ли вам, что такое кружечка густого терпкого пива, не извращенного бутылкой или, тьфу, тьфу – жестяной банкой. Ведаете ли вы, как оно разом обхватывает весь рот, пенится и шипит, и тут же исчезает во рту, как будто его не было, и только терпкий слегка пряной вкус на языке и деснах, да ничем не передаваемое блаженство говорят о том, что оно было, оно есть, оно будет!

В такие моменты, как никогда, испытываешь веру в завтрашний день!

Первым делом всеобщим голосованием было принято решение, что «поле» завершено, завершено успешно и благородным донам и доньям не грех выпить пивка, тем более, что повод более чем значимый. Были отправлены гонцы с соответствующей тарой: двумя эмалированными ведрами. Гонцы долго не возвращались, а когда появились объяснили, что сначала им выпала честь ворочать огромные двухсотлитровые дубовые бочки, выбивать из дна затычку, ввинчивать штуцер с насосом и потом даже качать этот насос. Масса впечатлений.

Два ведра пива были доставлены.

Из квартиры ушли сразу, ясно было: не то что голоса – звуки простого прихлебывания из кружек такого количества пивопивцев потревожат не только мелких, но и крупных ее обитателей.

Попробовали расположиться подокнами Питова дома, но нехитрые размышления навели на недопустимость данной мысли, провели рекогносцировку, педсовет в Филях и Пит дворами повел всех в сквер его школьной юности (не пойму они на Сахалине еще в школе начинают пиво пить?!).

Пока шли, весело и непринужденно, почему-то переполошились все собаки в округе. Особенно надрывалась одна болонка на балконе третьего этажа. Пит вступил с ней в веселую полемику, называл по имени и просил успокоиться, собачка сразу замолкла, а ее хозяйка, Питова подруга, как было установлено впоследствии, впала в страшное волнение, поскольку поняла, что группа пиратов внизу уже вступила с ее Куклой в преступный сговор и этот Кабысдох ее при нападении уже не спасет, потому как с бандитами в сговоре.

Из сказанного следует, что личный состав выглядел просто великолепно!

Скверик оказался очень миниатюрным, очень уютным, и как-то отрезанным и от школьных просторов и от жилых домов. Пиво пилось легко и непринужденно и быстро

закончилось, Гочка максимально растягивал процесс употребления, врезая в него музыкальные паузы. Блеяние козленка привлекает тигра, не знаю кого привлекает тигриний рев, но к завершению пивной процедуры за оградкой сквера и кустами одновременно была отмечена фигура представителя власти, который, не будь душой, наблюдал, но не препятствовал.

За лояльное поведение этого представителя мы прошли мимо него строевым шагом, он сначала вроде бы парад принимал, но когда увидел шлепанье босых пяток харьковчанина, несколько остолбенел.

Все эти действия от дрессуры домашних животных до торжественного марша, как выяснилось, наблюдались из окон и с балконов прекрасными представительницами – вот вам и Пита реклама. Забегая вперед, хотел бы посеять сомнения, так ли Питу хотелось подольше побыть именно с родителями?! Знаю я этого шмурака!

22.08.72. Стражева.

Сегодня родился Вовик Л., с чем мы его и поздравили. Вовик, Гоча и я ходили на метеостанцию доставать трос. Лейцин погружался с аппаратом, Гоча нырял с трубкой, собралась куча зевак. Операция прошла успешно. Пришли домой, а толпа только еще встала. До 1 часу прособирались на море. Наконец ушли, избавив Евгению Петровну и К от своего присутствия. Воду не сравнить с Моннеронской, страшная муть, хотя вода очень теплая. Виктор и Дятлов ходили пить пиво, после этого Витя перемыл все кастрюли, которые показались ему грязными.

Поскольку Пит который день спит в прихожей под вешалкой (этому отщепенцу «Там уютно!»), он просыпается раньше всех, когда на него наступают родители, уходящие на работу, и куда-нибудь исчезает.

Пит вернулся и сказал, что приглашен в гости, босой харьковчанин тут же отправился мыть ноги, но выяснив, что приглашены не все, закручинился. Однако ноги вымыл.

Евгения Петровна решила сорвать с экспедиции водолазный шерсти клок. У них на пирсе, полуторокилометровый бетонный мол, на конце которого находится бюро погоды. Там было пришпандорено очень научное устройство, измеряющее чего-то или берущее какие-то пробы, может быть даже солености морской воды. Но соль не в этом, соль в том, что основным компонентом сего торжества научной и технической мысли был трос стальной, который оборвался в верхней точке лет пять назад и утоп на недоступной глубине пять метров.

Вот для его извлечения на поверхность и восстановление приборного потенциала синоптической науки направились Вова, Гоча и Кормилица, но не на метеостанцию (метеостанция города Корсакова находится миль пять от того места и чуть меньше, полторы мили, от береговой кромки моря) – пошли они в бюро погоды.

А Полковнику корсаковское пиво очень даже понравилось! И, обратите внимание, какое облагораживающее действие пива: сразу возникает стремление к чистоте и санитарии.

23.08.72. Стражева.

Встали пораньше, пошли на море, решили поплавать с масками. Вода показалась еще мутнее, чем вчера, но Гоча нашел много звезд. Часов в 12 подошли Чадо со компанией.

До вечера прозагорали, остальные парни работали на рыбокомбинате, зарабатывали длинный рубль, вечером кое-кто ходил в баню, после чая читали.

Анивский залив – это достаточно закрытая акватория, крупные шторма с выбрасыванием небольших катеров на причальные стенки и разбиванием о пирсы океанских лайнеров случаются там не чаще двух, трех раз в году. В южной части залива воду как-то облагораживает ветвь Куро-Сиво. Не думайте, что течение упоминается слишком часто, роль его для жизни того региона действительно велика: течение идет с юга Японского моря, в районе пролива Лаперуза течение делится на две части – одна на север на Моннерон, вторая в пролив, после пролива течение вновь раздвояцца: мелкая ветка в залив Анива, а остаток в Охотское море, где и рассеивается. Благодаря ему на Моннероне большая прозрачность, а Лаперуза и Анива – незамерзающие акватории.

Но вот прозрачностью море в районе Корсакова похвастаться не может. Порт практически в самой глубине залива, и впадающие в тех местах две реки, и сам порт, который воду не озонирует!

«После чая читали» - ну прямо английский салон, это надо было видеть: одетые в изысканнейшие экспедиционные туалеты, личный состав распределен по углам и темам, библиотека Питова достойна грабежа, представлены все мыслимые тематики: проза русская, советская, переводы, поэзия, публицистика, научная фантастика и научные труды, философские памятники. Почитать народу изголодавшемуся по буквам, было что.

24.08.72. Записывал Лейцин.

Утром Гоца поднял нас в 6.00. Надо собираться. Начали упаковываться. Витя с Полковником пошли за билетами. Но они договорились с капитаном сухогруза «Капитан Грищук», и он доставит нас в порт Ванино. Затем Валера, Витя, двое харьковчан и я отправились на рыбокомбинат за деньгами, а толпа (что нам до толпы) стала перепаковать ящики с животными. Когда мы вернулись, все было уже кончено. Стали ждать машину. Больше всего сумятицы внесла, конечно, Чада: уже подошла машина, а ее личные вещи разбросаны, химикаты и бидоны не собраны и тоже валяются, где попало. Но Чадо есть Чадо. Ей же надо было погулять.

Благополучно добрались до судна и разгрузились. Затем отправились в город. Купили тельняшки. Пообедали. К восьми пошли обратно в порт. Сели на судно и стали устраиваться, кто где. Затем поужинали и легли спать.

Они договорились с капитаном сухогруза Мне смешно за этих людей! Пришли и договорились! Вопрос, куда пришли? ...

Когда с билетами на белоснежный лайнер наступил форменный облом, а именно их полное отсутствие, в воздухе запахло нападением. Все объяснялось крайне просто: теплоходы шли через Корсаков транзитом, из Владивостока на Камчатку и с Камчатки до Владивостока. Естественно, в крайних точках на судно набивалось столько народу, сколько помещалось, и на Корсаков оставались не меряные крохи. Такой факт вызвал у личного состава уныние и упадение духа.

И тут на сцену выступила Евгения Петровна, мать Пита, упоминание о которой в данном дневнике касались, в основном низменных проблем, в смысле – пожрать.

Место работы Евгении Петровны – бюро погоды – располагалось в административном помещении Южного Пирса в двадцати метрах от оперативного поста, в аккурат под спаренным крупнокалиберным пулеметом, что стоит этажом выше, на крыше и служит для легкой охраны акватории порта.

Тут опять Сергей Петрович поправил, что не оперативный пост это вовсе, а капитан порта и пограничный пост. Но вслушайтесь в эти звуки «оперативный пост», сразу представляется нечто непредставимое и ответы по телефону железным голосом: «Оперативный дежурный флота слушает!». Понимаю, что бред, фантастика, что упомянутый оперативный дежурный флота во Владивостоке, но красиво это, пусть останется неправильный оперативный пост.

Оперативный пост принимает капитанов судов после их прибытия в порт, работает с судовой ролью (для крабов сухопутных – это паспорт корабля) и осуществляет все прочие операции по оформлению груза и личного состава. Никакой капитан в пограничной зоне не возьмет без их ведома на борт и дохлую крысу.

Но личный контакт – прежде всего.

Сначала Евгения Петровна выяснила, какие из судов собираются на материк. Потом договорилась в черную, с капитаном и, главное, с оперативным постом, что последние впишут упавший духом личный состав в судовую роль (крабы сухопутные пусть смотрят примечание уже сказанное выше).

... Вот так искажается историческая правда. Неслабая подробность: в Корсакове Пит, по просьбе родителей, был списан на берег, а точнее, оставлен для самостоятельного продвижения в город Томск, поскольку эта тропа у него натоптана, а побыть с родителями еще пять дней для него – подарок. И об этом ни слова! Я понимаю, что Пит, может быть жалкий фрайер и шмурак, но все-таки полноправный член экспедиции. Летописцы...!

25 августа 1972 года. Лейцин.

Весь день плыли. Встали, кто когда. Завтракали тоже частями. Ходили смотреть кино в красный уголок. Спали, читали, ели, но мало, и вообще – прозябали. Вечером Витя пробовал ловить кальмаров – неудача. Спали на судне. Все.

Какое там все!

Дальше экспедиция долгое время двигалась на поезде. Двигалась целеноправленно в сторону станция «Тайга».

Во-первых, следует заметить, что железнодорожная трасса «Совгавань-Хабаровск» была пройдена скатовской экспедицией впервые, и если трасса «Тайга-Владивосток» натоптана так, что любо-дорого посмотреть, то здесь мы видим элемент первопроходства и эксклюзивности (это в смысле, что хрен кто еще туда пойдет)!

Конечно, Вова Лейцин не самый лучший автор для завершающих строк дневника, в облике его было всегда яркая черта пессимизма, вы только вслушайтесь: «... Ели, но мало ... прозябали!»

Обратной дороге у всех экспедиций наблюдается момент активного прозябания. Когда едут туда, то бодры и веселы и грызут все, до чего дотягиваются зубы, а как дорога ложится на обратный путь, то наступает прозябание.

Скептики и эклектики соотносят такую динамику с динамикой денежных средств, которая, и это обще известно, в конце любой экспедиции превращается в

статилу. Однако корни этого явления следует искать значительно глубже, наиболее ясно и точно они выражены в гимне клуба, поскольку гимн – это не для цитат, только намекну: ... судьба, ... якоря, ... туман.

Отсюда и прозябание, а вовсе не от малой еды.

Что касается ловли кальмаров, то чтобы не сбивать с панталыку молодежь – так ловить их Витя мог и у себя в Новосибирске, в ванной, эффект тот же. Объясню. Дело в том, что у Пита дома валялось несколько блесен для промышленной ловли кальмаров, тех самых, которые сцепляются в сотнеметровое кольцо и ночью, с гиганской подсветкой, по кругу, в Тихом Океане, в сезон охоты запускаются в карусель для добычи искомого продукта. Виктор же решил, что раз блесна – то ее надо на спиннинг, и начал этой блесной, (а она выглядит и не как блесна вовсе), по Японскому морю повожать. Ловец!

Однако Лейцин, вслед за Чадам, еще один пловец. И как они только исхитряются на разнообразных судах «плавать»! Удивляет меня это!

Трогательно обстояла процедура встречи экспедиции в Тайге. Питух, Александр Сергеевич Третьяков и сопровождающие их лица несмотря на 1 сентября, первый день занятий в университете, наступили на горло собственной песне и стремлению к знаниям и выдвинулись в район станции Тайга, дабы своим присутствием отметить завершение ТрансЯпоноМорского вояжа скатов.

Встреча прошла буднично, мужественно и с большим чувством.

Пожалуй, единственное, что следует отметить, что Пит, зараза, прибывший самолетом за сутки до прибытия экспедиции, отправился на занятия в университет. Александр Третьяков, староста их группы, бросивший ради бесстрашных подводников все, и грубо нарушив при этом учебную дисциплину, так никогда и не поверил, что сделал это Пит только по незнанию срока прибытия остатного личного состава.

Может и не поверил, а может быть, была у Третьякова затаенная тоска по былым дням и веселым встречам, когда, с подачи того же А.С. Третьякова, который спрятался тогда среди членов встречаемой экспедиции, при встрече экспедиции Питуха, за медные деньги было заказано громкоговорящее объявление: «Шмурак Суслев, Суслев Шмурак! Вас ожидают у справочного бюро». Саня верно подметил, что скатовское понятие шмурак смахивает на имя, в сочетании с фамилией Суслев вообще смотрится очень гармонично, а в справочном – плати полтинник и тебе объявят. И вот, как только остановился поезд и на сибирскую землю спрыгнули первые экспедиционники, над станцией во всю мощь репродукторов понеслось: «Шмурак Суслев, Суслев Шмурак ...!» На радость экспедиции и всем знакомым Питуха.

Хотя, может быть, это была и легенда.

Легенда, поскольку было это давным-давно в прошлой жизни, когда деревья были большими, и молодых девчат было значительно меньше. Когда, выскочив из бассейна, бежал еще куда-нибудь «по делам экспедиции», а не сидел на бортике с высунутым языком – два раза по сорок пять минут ему отпахать трудно, старику. А вот когда после первой тысячи метров очень хочется бросить все и сойти с дистанции, вот это, друзья мои драма!

Вот вам и ответ на последний вопрос: почему в название вынесено слово драма, да к тому же с двумя «м». Два «м» – это что бы страшнее было.

Такие вот хаянэгли.

Томск – Владивосток – Корсаков – Моннерон – Томск – Миасс – Челябинск –
Санкт-Петербург – Новосибирск – Миасс

В тексте использованы: стихи Б. Ахмадулиной, О. Бергольц, В.Высоцкого, И.Губермана, оригинал
дневника Моннеронской экспедиции, эпос.

Грамматическая правка текста была осуществлена соискателем кандидатского звания в области
филологических наук Злоказовой Еленой Петровной, и рядовым филологом Кузьминой Аллой
Сергеевной. И если еще какие ошибки остались, то это уже от лукавого – не править!

Некоторые песни исполнявшиеся в экспедиции.

“Город”, Юрий Кукин

Горы далекие, горы туманные, горы,
И улетающий, и умирающий снег.
Если вы знаете - где-то есть город, город,
Если вы помните - он не для всех, не для всех.
Странные люди заполнили весь этот город:
Мысли у них поперёк и слова поперёк,
И в разговорах они признают только споры,
И никуда не выходит оттуда дорог.

Вместо домов у людей в этом городе небо,
Руки любимых у них вместо квартир.
Я никогда в этом городе не был, не был,
Я все ищу и никак мне его не найти.
Если им больно - не плачут они, а смеются,
Если им весело - вина хорошие пьют.
Женские волосы, женские волосы выются,
И неустроенность им заметет уют.

Я иногда проходил через этот город -
Мне бы увидеть, а я его не замечал.
И за молчанием или за разговором
Шел я по городу, выйдя и не повстречав.
Поездом - нет! Поездом мне не доехать.
И самолетом, тем более, не долететь.
Он задрожит миражом, он откликнется эхом.
И я найду, я хочу, и мне надо хотеть.

“Ну пожалуйста”, Дулов, Тушнова.

Ну пожалуйста, ну пожалуйста, в самолет меня возьми.
На усталость мне пожалуйся, на плече моем усни.
Руку дай, сводя по лесенке на другом краю земли,
Где встают как счастья вестники горы синие вдали.

Ну пожалуйста, ну в угоду мне, не печалься ни о чем,
Тихой ночью сердце города отомкни своим ключем.
Хорошо наверно ночью там, темнота и тишина.
Мы с тобой в подвале сводчатом выпьем сстарого вина.

Выпьем мы за счастье трудное, за дорогу без конца,
За слепые, безрассудные неподсудные сердца.
Побредем по сонным дворикам, по безлюдным площадям.
И улыбаться станем дворникам, словно найденным друзьям.

Ну пожалуйста, ну пожалуйста, в самолет меня возьми.
На усталость мне пожалуйся, на плече моем усни.
Руку дай, сводя по лесенке на другом краю земли,
Где встают как счастья вестники горы синие вдали.

“Мне разлука с тобой знакома”, Александр Городницкий

Мне разлука с тобой знакома
Как у времени не проси.
Вот горит у подъезда дома
Неуютный огонь такси.
Чемоданы несут родные
И зеленый огонь погас.
И плывут твои мостовые
Может, нынче в последний раз.

Мне не ждать на твоих вокзалах
Не стоять на твоих мостах.
Видно времени было мало
Мне прижиться в этих местах.
Как приехавший, как впервые
Не могу отвести я глаз
И плывут твои мостовые
Может, нынче в последний раз.

Не вернут уходящих суток
Ненадежной шумихой встреч
Четкий улиц твоих рисунок
От распада не убережь.
Восстановят ли их живые
Вспоминая погибших нас
И плывут твои мостовые
Может, нынче в последний раз.

“Тайга”, А.Дулов, И.Жданов

Сырая тяжесть сапога,
Роса на карабине.
Кругом тайга, одна тайга,
И мы – посередине

Письма не жди, письма не жди,
Дороги опустели.
Идут дожди, одни дожди
Четвертую неделю.

И десять лет, и двадцать лет,
И нет конца и края.
Олений след, медвежий след
Вдоль берега петляет.

Сырая тяжесть сапога - роса на карабине.
Кругом тайга – одна тайга, и мы посередине.

Прошу аккуратности и внимания: фамилия одного из авторов «Жданов», но имя другое – это не вице-президент. И не родственник вовсе. В смысле – не брат.

А почему последний куплет в две строчки напечатан - не знаю, может быть ошибка, а может – художественный прием.

“Пять ребят”, музыка В. Благонадежина, стихи Н. Карпова.

Дым костра создает уют,
Искры гаснут в полете сами...
Пять ребят о любви поют
Чуть охрипшими голосами.

Если б слышали те, о ком
Эта песня сейчас звучала
Прибежали б сюда пешком,
Чтоб услышать ее сначала.

Чтоб почувствовать до конца
В этом дальнем таежном крае
Как умеют грустить сердца,
Огрубевшие от скитаний .

Серый дым создает уют,
Искры гаснут в полете сами...
Пять ребят о любви поют
Чуть охрипшими голосами.

Кусочек.

Кусочек неба синего как зонтик
 Проносит ветер тучи стороной
 А я иду, шагаю к горизонту.
 Туда, где небо сходиться с землей.

Ах где ты, где ты, где ты край планеты
 Кончается где купол голубой
 Не верят даже маленькие дети
 Что где-то небо сходится с землей.

Я плавал по морям, по океанам
 Я спрашивал у гор и у тайги
 У облаков, у звезд и у тумана
 Где горизонт, где горизонт найти.

А ты стоишь – стоишь у горизонта
 Давным давно и встречи ждешь со мной
 Стоишь и держишь на ладони солнце
 А рядом небо сходиться с землей.

Кусочек неба синего как зонтик
 Проносит ветер тучи стороной
 А я иду, шагаю к горизонту.
 Туда, где небо сходиться с землей.

Если говорить о хрестоматийном исполнении, то песня должна начинаться дважды. Сначала хор поет «Кусочек неба синего ...», на этих словах дискантом влезает Пит и гнусавит «... и звездочка вдали, сияет мне как слабая надежда!» – и, пока он переводит дух от такого вокального напряжения хор начинает песню вновь и спокойно доводит ее до логического завершения.

Кривыми путями

Кривыми путями, путями кривыми
 Нас жены таскали, мы были ручными
 Мы были ручными, нас жены таскали
 При матриархате свободы не знали

В угоду красивым, красивым в угоду
 За дичью убитой, как псы, лезли в воду.
 Как псы лезли в воду за дичью убитой
 И женской рукою не раз были биты.

Чтоб ласки добиться, добиться чтоб ласки
 Жениться стремились и строили глазки
 И строили глазки, жениться стремились
 А жены на нас за настырность сердились.

Кривыми путями, путями кривыми
 Нас жены таскали, мы были ручными
 Мы были ручными, нас жены таскали
 При матриархате свободы не знали.

По этой песне на острове Питом и компанией был снят фильм. Понятно, что Пит не Филини, кроме того у него не хватило ума послать всех советчиков на противоположный берег бухты (а с кем бы тогда он снимал этот опус?! Советовали абсолютно все! Так себе вышло творение, терпеть можно, сжав зубы. Однако именно этот, восьмимиллиметровый, и второй, шестнадцати миллиметровый, фильмы пользовались впоследствии особым вниманием в клубе и были, как уже указывалось, пропиты. А при исполнении этой песни женский состав экспедиции (Кормилица и Чадо) внутри себя, но хорошо заметно для окружающих, должны были гордиться собой.

“Три минуты тишины”

По судну “Кострома” стучит вода,
В сетях антенн качается звезда,
А мы стоим и курим, мы должны
Услышать три минуты тишины.

Молчат во всех морях все корабли,
Молчат морские станции земли,
И ты ключом, приятель, не стучи,
Ты эти три минуты помолчи.

Быть может, на каком борту пожар,
Пробоина в корме острей ножа,
А может быть, арктические льды
Корабль не выпускают из беды.

Но тишина плывет как океан,
Радист сказал: “Порядок, капитан”.
То осень бьет в антенны, то зима,
Шесть баллов бьют по судну “Кострома”.

“На Соловецких островах...”, Валентин Вихорев.

На Соловецких островах
Дожди, дожди.
Ну, как расскажешь на словах,
Как льют дожди?
В конверт письма не уложить
Ветра, шторма...
Нет, надо просто здесь пожить —
Ты приезжай сама.

И что с того, что холодам
Здесь скоро быть,
Что чай с мошкой пополам
Придется пить.
Не слушай ветреных подруг
Про гиблый край,
Не опускай в бессилье рук —
Ты приезжай.

Ты приезжай, дожди уйдут
За кромку дня,
Ветрила норда опадут,
Шторма уняв.
Призывно ломится в окно
Крик птичьих стай.
Я напишу тебе одно:
“Ты приезжай!”

Морская и грустная.

Вот что случилось однажды
 На шхуне «Святая Мария»,
 Когда я простым матросом
 Плавал на ней впервые.

Однажды стояли в лагунге
 Под сенью тропической ночи.
 Команда сошла на берег
 Хотелось сойти мне очень

С берега дул легкий бриз,
 Плыла тишина ночная,
 С берега на борт звуки гитар
 Брис доносил играя.

Вдруг тишину ночную
 Прорезал ужасный крик,
 (тут одному из поющих необходимо издать истошный пронзительный на высокой ноте крик. В экспедиции это была ария Пита. По заявлениям современников более мерзкого и пронзительного крика никто, нигде и никогда более не слышал).

Это в лагуну на всех парусах
 Ворвался пиратский бриг.

По рваному флагу я понял
 И волосы дыбом встали,
 Что это тот самый корабль,
 Который мы так искали.

Яростный визг картечи
 Пронесся над заливом
 Стихли звуки гитар
 Кров закипела в жилах.

Тридцать друзей моих
 Скрыты волнами чужими.
 Вот, что случилось однажды
 На шхуне «Святая Мария».

(песня исполняется с задумчиво мечтательными выражениями на лицах, у мужчин выражения лиц соответствуют состоянию, определенному А.С.Третьяковым – «настоящие мужчины на такие вопросы не отвечают, они лишь загадочно улыбаются».)

Некоторые фотографические снимки исполненные в экспедиции.

Исторический, географический и гидрологический обзор зоны экспедиции.

Монерон, остров - назван в честь участника французской экспедиции под руководством Ж.Ф.Лаперуза, которая в 1787 году исследовала Сахалин и Курильские острова, лейтенанта де Моннерона.

Остров Монерон расположен в Татарском проливе у юго-западной оконечности Сахалина. Площадь острова составляет около 30 квадратных километров, длина с юга на север – 7 километров, ширина с востока на запад – 4 километра. Наивысшая точка – гора Старицкого – поднимается над уровнем моря на 439 метров.

С геологической точки зрения Монерон – относительно недавно потухший вулкан. Жизнь до сих пор теплится в его сердце, периодически встряхивая землю. Впервые на штурманские карты Японского моря остров был нанесен в 1644 году самураем Мураками Хиронори. А свое нынешнее название он получил в честь де Моннерона – участника французской экспедиции под руководством адмирала Жана Франсуа Галу де ла Перуза, которая в 1787 году исследовала Сахалин и Курильские острова.

Редкое сочетание разнообразных форм подводного рельефа и влияние узкой струи теплого Цусимского течения, идущего с юга из зоны субтропиков, объясняют существование в подводном мире Монерона субтропических видов морских животных, нигде более на территории России не отмеченных. А прозрачность воды позволяет воочию наблюдать удивительный мир актиний, водорослей и моллюсков. Это прежде всего морское ушко – брюхоногий моллюск галиотис, плоская перламутровая раковина которого достигает размеров ладони, а мясо очень ценится на Востоке. Многолучевая морская звезда плазастер достигает в диаметре метра. Этот вид в пределах России встречается только на Монероне. Ушастый морской заяц – аплизия – редок даже в этих водах, так как крайне плохо переносит низкую температуру. Ярко-алое, видимое за несколько метров морское блюдечко – гугалия гигантская.

На вертикальных стенках и в укромных гротах лужайками ярко-оранжевых астр растут кариофилиды. Кроме эндемиков (видов животных, встречающихся только в этом географическом районе) и просто экзотических животных, в акватории острова обитает множество морских жителей, имеющих промысловое значение: два вида морских ежей, трепанг, два вида морских гребешков, четыре вида мидий, камбалы, терпуги, зубатка, около десятка видов морских окуней, крабы и т.д.

Живут на острове сивучи, котики, тюлени и другие ластоногие. Временные их лежбища расположены практически вокруг всего острова. Монерон служит важным ориентиром и местом остановок для перелетных птиц, одновременно являясь и местом гнездования прибрежно-морских пернатых, колонии которых расположены на прилегающих к острову небольших скалистых островках. Там находятся гнездовья тупика-носорога, чернохвостой и тихоокеанской морских чаек, тонкоклювой кайры, топорка, очкового чисти-ка, японского баклана и т.д.

Среди растений Монерона также есть редкие и исчезающие. Из видов, занесенных в «Красную книгу», – можжевельник, тис остроконечный, мятлик шероховатый, башмачок крупноцветковый, пион обратнойцевидный, остролодочник

тодомоширский, калопанакс и аралия сердцелистная. Двадцать три вида флоры Монерона являются редкими для Сахалинской области и Дальнего Востока.

Татарский пролив - отделяет остров Сахалин от материка Азии и соединяет Северное Японское море с Охотским. Наиболее узкая и мелкая, примыкающая к устью реки Амура часть Татарского пролива называется также проливом Маmio-Ринзо или проливом Невельского. Глубина Татарского пролива в южной и средней части как вдоль материка, так и вдоль Сахалина уже вблизи берега весьма значительна, особенно около выдающихся в море крутых мысов. На пространстве между Императорской гаванью и залтом Де Кастри глубина на расстоянии 2 миль от берега достигает от 15 до 18 сажен, около мыса Лессепса ($49^{\circ}33'$ с. ш.) на расстоянии одного кабельтова от берега от 25 до 30 сажен, в некоторых местах даже до 50 сажен, точно также и на стороне острова Сахалина, например, между этим островом и островом Моннероном Лаперуз не нашел ни одной глубины менее 50 сажен.

От залива же Де-Кастри к северу глубина Татарского пролива быстро уменьшается, что послужило основанием для старинных мореплавателей считать Сахалин полуостровом. На параллели Де Кастри глубина нигде не превосходит 26 сажен, между мысами Сущева на материке и Тык на Сахалине в середине пролива 12 сажен; в самом узком месте, где ширина пролива равна 7 верст, а именно между мысами Лазарева и Погоби, глубина всего 5 сажен. Глубина узкой части пролива местами значительнее у берега, нежели в середине, и в общем глубины здесь настолько не велики, что только суда с осадкой до 23 футов свободно могут проходить из Севеонного Японского моря в Охотское.

По физическим свойствам Татарский пролив представляет северное продолжение Северного Японского моря, но в узкой его части, благодаря притоку пресной воды из Амура, соленость его очень незначительна. У мыса Елизаветы и в заливе Надежда вода содержит не более 16,4 и 16,2 частей соли на 1000, у мыса Лазарева вода годна для питья, а в зал. Де Кастри в воде находится от 16 до 18 частей на 1000.

Благодаря малой солености, узкая часть пролива ежегодно замерзает во всю ширину от Амурского лимана на юг приблизительно до селения Тык, или по крайней мере до мыса Лазарева; южнее он замерзает только по берегам. Заливы и губы пролива замерзают с ноября и декабря, хотя свежий морской ветер и ломает в них лед; однако, защищенные от ветра заливы бывают покрыты льдом до апреля. Весной в пролив заходят льды из Охотского моря и Амурского лимана. С октября в Татарском проливе дуют сильные западные и северные ветры, при которых температура падает нередко ниже -30° , дующие летом восточные ветры понижают температуру лета. Летом по всему проливу господствуют туманы.

Приливы и отливы в Татарском проливе довольно заметны, особенно в узких частях его заливов. Самый значительный прилив замечен в заливе Де Кастри, где в сизигии он достигает 9 футов, в Императорской гавани он равен 4 футам.

Из заливов по берегам Татарского пролива наиболее замечательны на материковом берегу: Императорская гавань или Хаджи под 49° с. ш. и залив Де Кастри под $51^{\circ}28'$ с. ш.

Материковый берег Татарского пролива к югу от устья Амура низменный и плоский, до мыса Уарки здесь встречается только один крутой и высокий мыс Джуаре. Против мыса Уарки находятся 8 островков Хадземив.

От залива Де Кастри до Императорской гавани по берегу встречаются хвойные леса, состоящие из ели, пихты, лиственницы с примесью березы, ольхи, клена и проч., такой же лес встречается и в ближайших окрестностях Императорской гавани. Между этой последней и реки Ыкки берег Татарского пролива горист и пересечен узкими долинами и ущельями. Здесь к самому берегу подходит хребет Сихотэ-Алин. По долинам и ущельям в Татарский пролив стекают здесь быстрые горные потоки с каменистым руслом; из них самые значительные реки Кэпи и Ыкки.

Южнее Императорской гавани к берегу Татарского пролива подходят склоны хребта Найта; последний тянется вдоль берега, вдаваясь в море мысами Джонго и Асиние. Близ устья реки Гидзюца береговая возвышенность прервана долиной реки Гидзю, южнее этой долины берег Татарского пролива состоит из высоких отвесных гор, местами вдающихся в пролив в виде мысов. У речки Улека возвышенность эта сливается с болотистым пространством, прилежащим с севера к реке Кэпи. Широкая долина этой речки упирается в небольшую, но глубокую бухту. Западный берег Сахалина против устья Амура покрыт песчаными дюнами, за которыми следует тундра, простирающаяся далеко внутрь острова. Плоский болотистый берег тянется к югу до мыса Уанды, лежащего против залива Де Кастри, южнее берег становится крутым и холмистым. Под 51° с. ш. находится залив Жонкиера. Между 49° и 48° холмы переходят в довольно высокие горы, южнее же берег понижается.

На всем протяжении сахалинский берег Татарского пролива, начиная от мыса Уанды, покрыт крупным хвойным лесом. В 1787 г. мореплаватель Лаперуз входил в Татарский пролив, но, поднявшись до узкой части его и всюду встречая мели, пришел к ошибочному заключению, что между Сахалином и материком находятся отмели, обнажающиеся во время отлива. К такому же заключению пришли впоследствии Браутон (1796) и русский мореплаватель Крузенштерн (1805). Последний предполагал, что Сахалин - полуостров.

В 1808 г. японский землемер Мамио Ринзо прошел по Татарскому проливу до устья Амура и таким образом первый доказал, что Сахалин есть остров. Однако, результаты его путешествия долго оставались неизвестными европейцам, в том числе и русским. В 1846 г. в устье Амура по Татарскому проливу пытался проникнуть Гаврилов и гр. Несельроде; последний нашел устье реки Амура "недоступным для мореходных судов, ибо глубина на оном от 1,5 до 3,5 футов и Сахалин полуостров, почему река Амур не имеет для России никакого значения".

В 1849 г. Г. И. Невельской доказал, что вход в амурский лиман из Татарский пролива доступен для судов всех рангов, а с севера, из Охотского моря - для судов, сидящих до 23 футов в самое же устье Амура из Татарского пролива могут проходить суда с осадкой до 15 футов., а из Охотского моря - с осадкой до 12 футов. А. И.

Брокгауз и Эфрон. Моннерон.

Сигнальный выпуск.
Печать термовосковая.
Тираж 10 экз.
«Мастерская Правда»
г.Миасс, проспект Макеева 11-31